

Флора Рита Шрайбер Сивилла

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6246107
Сивилла : роман / Флора Рита Шрайбер: Азбука, Азбука-Амтикус; Москва; 2013
ISBN 978-5-389-05942-9*

Аннотация

Говорят, что в каждом человеке живет еще кто-то, какая-то вторая личность, которая порой толкает нас на непредсказуемые поступки, а иногда, наоборот, защищает от ошибок. А теперь представьте, что этих личностей внутри вас – шестнадцать, каждая со своими воззрениями и привычками, вкусами и предпочтениями, у каждой свои таланты и навыки.

Что это – Божий дар? Особое состояние психики? Или шутка, которую наше подсознание стремится сыграть с нами?

Все, что вы прочтете в этой книге, удивит и поразит вас. Но это не вымысел, это история жизни реально существовавшей женщины. На этот случай ссылаются в своих трудах известнейшие психологи и психоаналитики мира.

Содержание

Фамильное древо: иерархия шестнадцати личностей	5
Перечень личностей с датами их рождения	6
Предисловие	7
Часть 1	10
1. Непостижимые часы	10
2. Внутренняя война	19
3. Кушетка и змий	24
4. Другая девушка	33
5. Пегги Лу Болдуин	40
6. Виктория Антуанетта Шарло	52
7. Почему?	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Флора Рита Шрайбер Сивилла

Copyright © 1973 by Flora Rheta Shreiber
Reading Group Guide copyright © 2009 by Hachette Book Group

© А. Бойков, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

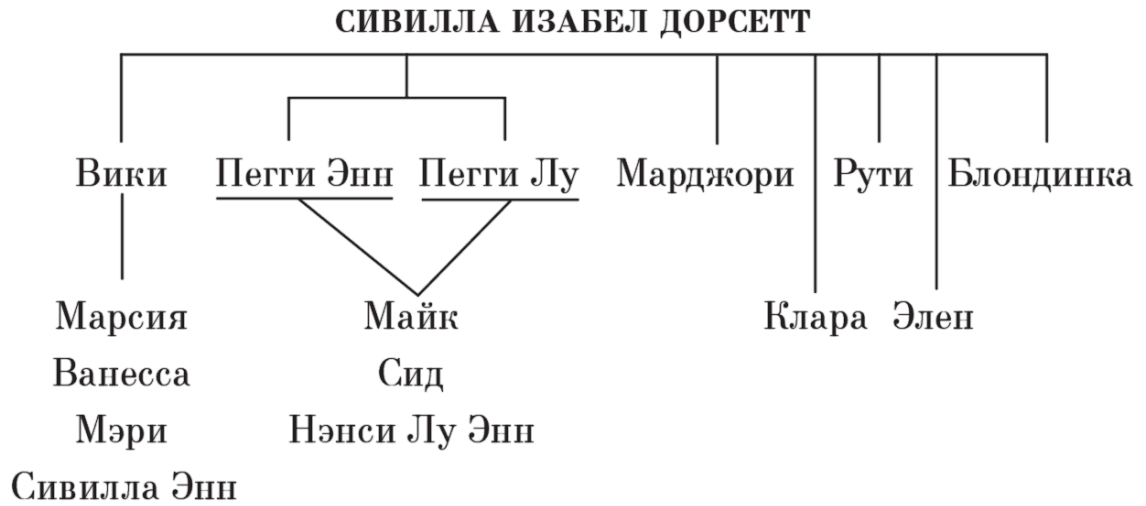
Издательство АЗБУКАР

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Моим родителям, Эстер и Уильяму Шрайбер, чья память стала пристанищем всех добрых мыслей и согласия

Фамильное древо: иерархия шестнадцати личностей

Перечень личностей с датами их рождения

Сивилла Изабел Дорсетт (1923): слабая личность; бодрствующее «я».

Виктория Антуанетта Шарло, Вики (1926): уверенная в себе, умная и привлекательная блондинка; хранительница воспоминаний всех «я» Сивиллы.

Пегги Лу Болдуин (1926): самоуверенная, деятельная и часто впадающая в гнев проказница со вздернутым носом, с прямыми волосами и озорной улыбкой.

Пегги Энн Болдуин (1926): напарница Пегги Лу со схожими физическими характеристиками. Она чаще боится, чем сердится.

Мэри Люсинда Сондерс Дорсетт (1933): задумчивая, созерцательная личность, типичная мамаша-домохозяйка; пухленькая, с длинными темно-коричневыми волосами, расчесанными на пробор.

Марсия Линн Дорсетт (1927): иногда пользуется фамилией Болдуин; писательница и художница; крайне эмоциональна; у нее круглое лицо, серые глаза, коричневые волосы, расчесанные на пробор.

Ванесса Гейл Дорсетт (1935): крайне драматична и очень привлекательна; высокая, рыжеволосая, с гибкой фигурой, светло-кариими глазами, с выразительным овальным лицом.

Майк Дорсетт (1928): одно из двух мужских «я» Сивиллы; строитель и плотник; у него оливковая кожа, темные волосы, карие глаза.

Сид Дорсетт (1928): одно из двух мужских «я» Сивиллы; плотник и вообще мастер на все руки; у него светлая кожа, темные волосы и голубые глаза.

Нэнси Лу Энн Болдуин (дата не установлена): интересуется политикой в плане исполнения библейских пророчеств и чрезвычайно боится католиков; взбалмошная; внешне напоминает Пегги.

Сивилла Энн Дорсетт (1928): апатична вплоть до неврастении; бледная и робкая; волосы пепельные, лицо овальное, нос прямой.

Рути Дорсетт (дата не установлена): маленький ребенок; одно из наименее развитых «я».

Клара Дорсетт (дата не установлена): крайне религиозна; очень критически относится к бодрствующей Сивилле.

Элен Дорсетт (1929): очень боязлива, но решительно настроена добиваться своих целей; у нее каштановые волосы, карие глаза, прямой нос и тонкие губы.

Марджори Дорсетт (1928): безмятежная, живая, смешливая; любит поддразнивать; маленькая гибкая брюнетка со светлой кожей и вздернутым носом.

Блондинка (1946): без имени; вечный подросток с вьющимися белокурыми волосами, склонна к напыщенным фразам.

Новая Сивилла (1965): семнадцатое «я»; результат слияния остальных шестнадцати «я».

Предисловие

Эта книга выходит из печати более чем через десятилетие после того, как я впервые познакомилась с женщиной, выступающей здесь под псевдонимом Сивилла Изабел Дорсетт. Сивилла желает сохранить свою анонимность, и вы поймете причину этого, прочитав правдивую историю ее жизни. Однако Сивилла Изабел Дорсетт является реально существующим человеком.

Наша первая встреча произошла осенним вечером 1962 года в нью-йоркском ресторане на Мэдисон-авеню. Доктор Корнелия Б. Уилбур, психоаналитик Сивиллы, устроила эту встречу для того, чтобы познакомить меня со своей пациенткой.

Сивилла производила впечатление какой-то отстраненной и скованной. Я понимала, что это вызвано ее болезнью. Доктор Уилбур занималась вместе с ней одним из самых сложных и причудливых случаев в истории психиатрии: впервые производился психоанализ расщепленной личности.

В общих чертах этот случай был известен мне в течение нескольких лет. Наши с доктором Уилбур пути не раз пересекались, поскольку я работала редактором отдела психиатрии в «Сайенс дайджест» и написала несколько статей по вопросам психиатрии. Некоторые из них, кстати, были посвящены именно данному случаю.

Встреча была организована с конкретной целью: доктор Уилбур хотела узнать, не напишу ли я что-нибудь о Сивилле. Доктор полагала, что будет недостаточно представить этот из ряда вон выходящий случай в специальном медицинском журнале, поскольку он не только имеет огромное медицинское значение, но и представляет интерес для широкой публики своими психологическими и философскими аспектами.

Мне хотелось дождаться исхода дела, прежде чем принимать окончательное решение о написании книги. А тем временем мы с Сивиллой подружились. В интеллектуальном плане у нас с нею было много общих интересов, и мы явно ощущали родство душ. Сивилла стала частым гостем в моем доме. Она не раз доверительно рассказывала мне о том, что происходило во время сеансов психоанализа, а события, имевшие место у меня дома, зачастую находили отражение в ходе этих сеансов.

Постепенно идея написания книги стала все больше привлекать меня. Я много и небезуспешно писала о проблемах психиатрии, имела хорошую подготовку и в области психологии. К 1962 году я успела поработать с многими психиатрами, рассматривая истории болезней, которыми они занимались. Даже мои статьи о политических деятелях, печатавшиеся в ведущих журналах страны, были сильно ориентированы на психологическую сторону их личности. К тому же я – профессор колледжа (в данное время это Колледж уголовного права Джона Гэя при Нью-Йоркском университете). Мои научные интересы – устный и письменный английский язык; определенная схожесть изучения языка и психологии и литературное наследие занятий языком дали мне предварительную подготовку для правильного подхода к случаю Сивиллы. Более того, мне удалось поработать в театре, на радио и на телевидении. Я писала рассказы и пьесы и преподавала грамматику в Новой школе социальных исследований. Все эти факторы, сложившиеся вместе, как бы подталкивали меня к тому, чтобы перевести клиническое описание случая Сивиллы в литературную форму, способную отразить внутренний драматизм происходящего.

Мне хотелось написать эту книгу еще и потому, что я подружилась с Сивиллой и доктором Уилбур, смелость которой в ходе беспрецедентного процесса психоанализа меня искренне восхищала. Я прониклась глубоким уважением к доктору Уилбур – аналитику, обладателю солидных дипломов. У нее была обширная практика в районе Парк-авеню, и она пользовалась уважением в различных организациях психиатров, в том числе в Обще-

стве медиков-психоаналитиков и в Академии психиатрии. Будучи президентом Национальной ассоциации частных психиатрических больниц, она одновременно работала в исследовательском комитете Общества медиков-психоаналитиков, участвуя в выпуске известного тома под заглавием «Гомосексуальность: психоаналитический подход». Ныне, отказавшись от частной практики, доктор Уилбур работает профессором психиатрии в Медицинской школе Университета штата Кентукки.

В общем, поддерживая знакомство с Сивиллой и с другими ее «я» в течение трех лет, я в конце концов решила и приступила к подготовительной работе по созданию этой книги. Доверительные беседы, которые я вела с Сивиллой и доктором Уилбур, а также мои непосредственные контакты с другими «я» Сивиллы следовало дополнить систематизированными данными, касающимися этого случая да и всей жизни Сивиллы в целом. Я прочитала множество медицинской литературы о расщеплении личности и обсудила общие аспекты случая с другими психиатрами. Я восстановила одиссею жизни Сивиллы, побеседовав с людьми, знавшими ее по небольшому городку на Среднем Западе, который в книге я называю Уиллоу-Корнерс, штат Висконсин, и по Нью-Йорку. Кроме того, я буквально шаг за шагом проследила все действия Сивиллы, которые она предпринимала во время своих странных путешествий в оболочке другой личности. К примеру, в Филадельфии я сосчитала количество ступенек, ведущих к парадной двери отеля «Бродвуд».

Для того чтобы развернуть эту невероятную сагу, представляющую собой калейдоскоп событий, которые заставляют содрогнуться или испытать головокружение, я должна была прежде всего отделить зерна от плевел. Поначалу исследование заключалось в обзоре всех до единого документов, связанных с психоанализом Сивиллы, проводившимся одиннадцать лет назад. В число документов входили: нацарапанные карандашом на бланках рецептов ежедневные заметки доктора Уилбур, сделанные во время 2354 сеансов психоанализа, состоявшихся в ее кабинете; эссе Сивиллы, написанные в качестве одного из средств психотерапии; магнитофонные записи некоторых сеансов. Кроме того, я изучала дневники Сивиллы, которые она вела с подросткового возраста до первого года психоанализа; к той же категории документов относятся письма, записи, которые велись в семье и в больнице, а также статьи в газетах и официальные документы города Уиллоу-Корнерса, составленные в те годы, когда там жило семейство Дорсетт.

В течение этих десяти лет, из которых семь лет я активно работала над книгой, у меня завязались тесные отношения с доктором Уилбур и Сивиллой, причем обе они – иногда вместе, а иногда по отдельности – с готовностью соглашались «попозировать для портрета». В то же время роли, которые мы играли, были весьма различны. Я всего-навсего воссоздавала то, что Сивилла уже прожила, а доктор Уилбур уже проанализировала. Но вероятно, никогда еще автору книги не попадались столь готовые к самоотдаче субъекты. Точнее говоря, в ответ на любой вопрос они засыпали меня многоаспектным анализом этого вопроса. Кроме того, мне доставляло удовлетворение то, что всегда существовала возможность проверить медицинские факты, касающиеся этого случая, у лечащего врача и что для этого нужно было всего лишь набрать номер местного городского телефона.

Прочитав уже заверченный текст этой книги, Сивилла заметила: «Все эмоции отражены верно»; доктор Уилбур прокомментировала: «Все факты с точки зрения психиатрии представлены точно».

Истинная история Сивиллы предоставляет редкую возможность заглянуть в подсознание, тем самым позволяя более глубоко понять это явление. Случай Сивиллы Дорсетт, являющийся отражением аномальной психологии и нехарактерным стереотипом развития, помогает по-новому оценить то, что мы называем нормой. Мы получаем возможность не только посмотреть свежим взглядом на могущество подсознательного, которое действует на мотивацию поведения человека, но и по-другому взглянуть на динамику деструктивных внутри-

семейных отношений, на уродующее воздействие косной, фанатичной религиозной среды, на самоидентифицирование женщины с мужчинами своей семьи и на категорический отказ от самоанализа. Если рассматривать историю Сивиллы с точки зрения «как нельзя поступать», то она дает ценный урок по воспитанию детей. В скрытом виде в книге содержатся и ответы на вопросы: «Что такое зрелость?», «Что такое цельная личность?».

История жизни Сивиллы по-новому освещает роль подсознательного в творчестве, тонкие взаимосвязи процессов запоминания и забывания, сосуществования прошлого с настоящим, а также позволяет оценить огромное значение так называемой первичной сцены в процессе возникновения психоневрозов. Помимо того, книга затрагивает ряд психологических вопросов, а именно тонкие взаимоотношения между реальным и нереальным и значение понятия «я».

С медицинской точки зрения этот отчет бросает свет на происхождение психических заболеваний, говорит о влиянии на них наследственности и окружающей среды, рассматривает разницу между шизофренией (термин, который отдельные врачи и широкая публика с излишней готовностью используют для мгновенного и всеохватывающего определения множества самых разнообразных симптомов) и *grande hystérie* – малоизученной болезнью, которой была поражена Сивилла.

Возможно, самое важное заключается в том, что читатель, постепенно подпадая под колдовское обаяние внутренних переживаний Сивиллы, расширяет сферу своего сознания.

*Флора Рита Шрайбер
Нью-Йорк 1973, январь*

Часть 1

Бытие

1. Непостижимые часы

От звона стекла в висках забился пульс. Комната закружилась перед глазами. Ноздри наполнил кислый запах химикалий – значительно более сильный, чем от тех, что действительно содержались в воздухе. Запах, казалось, исходил из неких смутных воспоминаний о каких-то давным-давно забытых переживаниях. Этот запах, столь отдаленный и в то же время столь знакомый, напоминал о старой аптеке на родине.

Разбитое стекло в витрине старой аптеки. Разбитое стекло в большой столовой. И оба раза обвиняющий голос: «Это ты его разбила».

Сивилла Изабел Дорсетт торопливо бросила конспект по химии в коричневую застегивающуюся на молнию папку и поспешно направилась к двери, сопровождаемая недоуменными пристальными взглядами профессора и других студентов.

Дверь за ней захлопнулась. Сивилла оказалась в длинном мрачном коридоре четвертого этажа Хевмейер-холла в Колумбийском университете. Потом она в одиночестве ждала лифт.

«Слишком долго, слишком долго». Ее мысли крутились по кругу. Слишком долго она выжидала, прежде чем покинуть лабораторию. Она могла бы предотвратить случившееся, выйдя оттуда в тот самый момент, когда раздался звон стекла.

Слишком долго. Лифт тоже не приходил слишком долго.

Сивилла потянулась за своей папкой. Ее не оказалось на месте. Не оказалось на месте ни лифта, ни мрачного коридора. Она стояла на длинной прямой улице, покрытой снегом. Лифт не пришел, и Сивилла пошла пешком.

Резкие снежные заряды хлестали ее по лицу. Снег, белый, хрустящий, кружащийся в воздухе, ложился ей под ноги. У нее не было ни подходящей обуви, ни перчаток, ни шляпы; окоченевшие уши начали побаливать. Легкое серое твидовое пальто, которое казалось очень теплым, когда она шла в лабораторию из своей квартиры на Морнингсайд-драйв, теперь практически не защищало от пронизывающего холода.

Сивилла взглянула на угол дома в поисках таблички с названием улицы. Никакой таблички нигде не было видно. Она стала высматривать дом, где можно было бы найти убежище. Такого не оказалось. Может быть, бензозаправочная станция? Тоже не видно. Какая-нибудь аптека? Нигде ничего.

Аптека, химическая лаборатория, длинный мрачный коридор, лифт – здесь ничего этого не было. Здесь была только улица, плохо освещенная, пустынная, безымянная улица в неизвестном ей месте.

Старые, некрасивые, массивные деревянные строения (некоторые выкрашены военной шаровой краской, другие покрыты листовым металлом) выстроились по обеим сторонам улицы. Над их входами нависали балконы, внизу находились огромные двери, а окна были крошечными.

Это место не могло быть Нью-Йорком. Возможно, оно находится в ее родном штате Висконсин, где ребенком Сивилла пережила не одну зимнюю метель, похожую на эту, и знала, что такое обморожение. Смешно. Как она могла попасть в Висконсин через долю секунды после ожидания лифта в Колумбийском университете? Но за такое время вообще

никуда нельзя было попасть. Возможно, она никуда и не попала; возможно, она нигде и не находилась. Возможно, все это было каким-то кошмаром.

Тем не менее по мере того, как Сивилла ускоряла шаг, реальность снова и снова представляла перед ней в виде неприглядных зданий и беспрестанно падающего снега, который она стирала с лица голой рукой и пыталась стряхнуть с тела, вращаясь из стороны в сторону. Она понимала, что не могла выдумать эти громоздкие строения – ничего подобного она раньше никогда не видела. Двери были такими огромными не потому, что она выдумала их такими, а потому, что здания использовались для складирования и разгрузки. Реалистическая часть ее воображения вновь взяла верх, и Сивилла поняла, что находится в районе складов.

На другой стороне улицы неожиданно появился какой-то черный на фоне белого снега силуэт, контур мужской фигуры. Он казался таким же неуловимым, как мелькающая тень, таким же неживым, как здания, заставлявшие Сивиллу чувствовать себя карликом. Хотя этот мужчина, несомненно, мог бы сообщить ей, где она находится, обратиться к нему она не могла. Кроме того, она опасалась, что он неправильно поймет ее намерения. Она просто дала ему пройти мимо и удалиться в то, что выглядело как ночь, поспешить в мир, находящийся вне этих складов, вне ее молений.

Для Сивиллы, похоже, не было выхода, как, впрочем, и входа. Эти нагромождения зданий, находившиеся вне ее, в то же время тесно переплетались с ее внутренними страхами. Она чувствовала себя пойманной, запертой, попавшей в ловушку – ни туда ни сюда.

Неужели спасения нет? Ни такси, ни автобуса? Ничего, что могло бы доставить ее куда-нибудь, куда угодно, лишь бы подальше от этого непонятного места? Несмотря на то что перед посадкой на городской автобус в Нью-Йорке, где Сивилла жила теперь, ее всегда охватывало какое-то неопределенное тревожное чувство, сейчас она с готовностью рискнула бы поехать на автобусе. Впрочем, вопрос был чисто академическим, поскольку никаких автобусов здесь не было. Здесь не было ничего.

Ею завладела мысль о телефонной будке. Если бы она смогла отыскать будку, то удалось бы не только выяснить, где она находится, но и позвонить Тедди Элинон Ривз – соседке по комнате, которая наверняка уже беспокоится за нее. Потом Сивилла припомнила, что Тедди должна была уехать вместе с семьей в отпуск в Оклахому вскоре после того, как сама она отправилась в лабораторию.

По иронии судьбы Тедди настаивала на том, чтобы Сивилла, выходя на улицу, надела пальто потеплей. Она не послушалась, потому что это был один из тех дней, когда она была не в состоянии кого-нибудь слушаться. Весь этот день, а особенно после того, как стало холодать, она ощущала странную ошеломленность, какое-то непонятное возбуждение, не позволявшее ей задержаться в квартире даже на несколько минут, необходимых для переодевания.

Кроме того, Сивилла хотела бы позвонить доктору Корнелии Б. Уилбур. Если прошло уже достаточно много времени, доктор тоже начнет волноваться за нее. Может быть, Сивилла пропустила час своего визита к доктору? А может быть, к настоящему времени она пропустила уже *множество* часов?

Слова «настоящее время» волновали. Их смысл ускользал, поскольку было непонятно, сколько времени прошло с тех пор, как она стояла в ожидании лифта. Возможно, она поняла бы это, если бы могла припомнить, догадаться, что при вело ее сюда. Пока этого не произойдет, покоя для нее не будет.

Телефон казался наиболее вероятным средством связи с реальностью, хотя найти его было все равно что найти мираж. Но так или иначе необходимо отыскать его, нужно продолжать двигаться до тех пор, пока не удастся сделать это. Сивилла чувствовала, что у нее уже нет сил, и в то же время понимала, что не решится остановиться. Ноги у нее совсем

онемели от холода. Хорошо зная зимы на Среднем Западе, она боялась, что, прекратив двигаться, замерзнет и погибнет.

Заставляя себя идти вперед, Сивилла прислушивалась к звукам в поисках хоть каких-нибудь признаков жизни, но слышала лишь завывания ветра. Квартал за кварталом вдоль безжизненных обледеневших улиц – и ни единого знака с названием улицы. Надежда на телефон становилась все более иллюзорной.

Чтобы успокоиться хотя бы ненадолго, Сивилла остановилась под уличным фонарем. При его тусклом свете она раскрыла сумочку и изучила ее содержимое. Карточка социального страхования, карточка Голубого Креста¹, водительские права, читательский билет библиотеки Колумбийского университета – каждый предмет был узнаваем и добавлял уверенности.

В кошельке, в котором было пятьдесят долларов с мелочью, когда она выходила из квартиры, осталось всего тридцать семь долларов сорок два цента. До лаборатории она шла пешком и при этом ничего не покупала. Может быть, на разницу в суммах она как раз и добралась сюда? Стояла, ждала лифта – и оказалась здесь. Ничего больше она не могла вспомнить.

Ключ от квартиры спокойно лежал в соответствующем кармашке сумочки. А вот большого ключа с красновато-коричневой биркой Сивилла никогда в жизни не видела. Вертя его в заочневших пальцах, она не отрываясь глядела на него, читая и перечитывая надпись, нанесенную позолоченными буквами: «№ 1113».

Как этот ключ очутился в ее сумочке? Откуда он появился? Очевидно, это ключ от номера в отеле, но, в отличие от большинства подобных ключей, он не имел надписи с названием или адресом отеля и не позволял определить, что же это за город.

Может быть, это все-таки кошмар? Нет, ключ был осязаемым, бирка – солидной, уличный фонарь – реальным, как и безобразные здания, следящие за ней с злобной насмешкой. Реальным был и снег, липший к ее пальто и к ногам. А ноги двигались; вопреки всем ее страхам, ноги не отмерзли. Когда Сивилла поспешила дальше, понимая, что у нее нет цели, она осознала черный юмор этого бессмысленного передвижения. И все-таки она шла вперед – из никуда в никуда, пытаясь преодолеть растущую панику.

Ключ к номеру 1113 был силой, гнавшей ее вперед, мотором, который раскручивал маховик ее паники. Но внезапно тот же самый ключ стал средством успокоения. Он отпирал *некую* дверь – дверь номера в отеле, ведущую в убежище от холода, в настоящий рай. Там Сивилла, по крайней мере, могла бы согреться, достать какой-нибудь еды и отдохнуть.

Продолжая быстро идти вперед, поглядывая на каждом перекрестке по сторонам в поисках приближающегося автомобиля, Сивилла начала сердиться на себя за то, что без должной решительности ищет такси или автобус. Хотя она позволила поймать себя в ловушку, так или иначе она найдет отель, которому принадлежит ключ. Есть ведь и другой мир кроме этих складов.

Затем ее охватила новая волна страха. А вдруг она подобрала ключ на улице? У нее в памяти этого не сохранилось, но она вообще мало что помнит. А что, если когда-то в прошлом она жила в этом номере несколько дней, недель, даже месяцев или лет, а потом ее выгнали за то, что она не могла оплатить счет? В обоих случаях номер сейчас принадлежит кому-то другому. Может быть, ключ лучше выбросить? Изба виться от возможной улики?

Нет. Не было никакого ключа, никакого номера, никакого убежища и укрытия, никакого другого мира – лишь это чуждое женщине место, где за снежной завесой проскальзывали

¹ Голубой Крест и Голубой Щит – некоммерческая организация, которая предлагает своим членам страхование здоровья, включающее больничные, хирургические и медицинские расходы.

ирреальные силуэты мужчин, пробуждая заново черно-белые образы, которые всегда пугали Сивиллу.

Эти длинные узкие улицы были бесконечны. Ни в одном из окон не мелькало даже лучика света. Эти зарешеченные окна – как она их боялась! – вторили старым страхам, сопровождавшим ее везде, куда бы она ни приезжала. А теперь следовавшим за ней по этому нереальному городу.

Неожиданно где-то мелькнул свет. Бензозаправочная станция. Это означает, как минимум, наличие телефона и телефонной книги, по которой можно определить название города.

Если верить телефонной книге, Сивилла находилась в Филадельфии, городе, который она посещала не раз. Но никогда во время этих посещений она не попадала в данный район.

Телефонная будка манила к себе, приглашала зайти в нее. Но когда, воспользовавшись приглашением этого похожего на клетку сооружения, Сивилла ступила внутрь, приглашение обернулось издевательством. Намереваясь позвонить домой доктору Уилбур, она бросила в щель монетку, чтобы заказать междугородный звонок, но услышала в трубке только металлическую пустоту. Телефон не работал.

Сивилла подошла к дежурному по станции и спросила, нельзя ли воспользоваться его личным телефоном. «Извините, леди», – ответил он и захлопнул дверь прямо у нее перед носом. Все, что ей оставалось, это смотреть на его удаляющуюся спину в белом халате.

Она понимала, что его напугал ее страх. Но контакт с человеческим существом позволил ей решиться сделать звонок из отеля под названием «Бродвуд», в котором она всегда останавливалась, посещая Филадельфию.

Мысль об этом отеле и осознание того, что она находится в хорошо знакомом городе, сняли часть страхов. Сивилла сходила в туалет и отогрела кисти рук под струей горячей воды. Вновь выйдя на улицу, она впервые заметила реку Делавэр и на другом ее берегу – город Камден. И то и другое находилось там все это время.

Делавэр она знала. Как-то раз она делала акварельный набросок реки, а возле нее сидела Капри. Внимательно наблюдая за всеми движениями кисти, кошка время от времени шлепала лапой по ручке кисти, словно желая напомнить Сивилле о своем присутствии.

Стали появляться знаки с названиями улиц. Франт-стрит. Кэллоухилл-стрит. Спринг-гарденс. На Франт-стрит, между Кэллоухилл и Спринг-гарденс, показался надземный путепровод. Подойдя к углу улицы, Сивилла заметила свет фар городского автобуса.

– Подождите, подождите! – в отчаянии закричала она.

Краснолицый водитель притормозил.

И вот Сивилла упала на заднее сиденье автобуса, остро ощущая боль в руках и ногах. Она была готова отправиться в любое место, куда отвезет ее автобус, куда угодно, в бесконечный мир – куда-нибудь.

А почему остальные пассажиры – трое мужчин и женщина в шляпе из бобрового меха – оказались в такую ночь вне дома? Да и ночь ли сейчас? Этот сводящий с ума, ни на что не похожий серый цвет низко нависающего неба не давал возможности определить, ночь сейчас или утро. Даты Сивилла тоже не знала. Если бы она начала спрашивать других пассажиров, они сочли бы ее попросту дурой!

Загадочный ключ в ее сумочке, тоже хранивший свои тайны, вновь захватил ее мысли. Ключ из отеля «Бродвуд»? Этого она не знала, как не знала и того, продвигается ли в направлении отеля. Впрочем, она легко сможет добраться туда из любого знакомого пункта, до которого довезет ее автобус. Желая уточнить это, Сивилла прошла к водителю и спросила:

– Вы проедете где-нибудь поблизости от «Бродвуда»?

– В трех кварталах от него, – ответил он. – Я вам подскажу.

Через покрытое изморозью окно автобуса Сивилла сумела разглядеть бульвар Бенджамина Франклина, Логановскую публичную библиотеку, Институт Франклина и Фер-

монт-парк. Она с волнением вспомнила два гранитных мемориала в этом парке. На одном, с барельефом, изображавшим солдат, виднелась надпись: «Одна страна, одна Конституция. Давая свободу рабам, мы обеспечиваем собственную свободу». Этот мемориал она рисовала. Нужно сосредоточиться на чем-нибудь. На чем угодно, кроме ключа. «Кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни», – кажется, так говорит Гамлет?

– Вам выходить, – окликнул ее водитель.

Она снова стояла на твердой почве. То есть мостовые и тротуары оставались по-прежнему скользкими; твердым было ее знание окрестностей: Академия изящных искусств на углу Брод-стрит и Черри-стрит, Хэнменская больница, а там – самая настоящая реальность, золоченый шпиль отеля «Бродвуд».

И вот наконец Сивилла оказалась перед красным кирпичным шестнадцатипятиэтажным зданием с ромбовидными узорами до уровня четвертого этажа и белым нависающим карнизом. Через улицу напротив расположена католическая школа для мальчиков и старинное здание, в котором размещается «Филадельфия морнинг рекорд». Рядом с «Бродвудом» находится станция метро. Кто-то говорил Сивилле, что метро здесь существует с 1927 года. А сам «Бродвуд» построил в 1923 году Элкс. В том же году родилась и она. Забавно.

Сердясь на себя за то, что она болтается перед отелем, в то время как давно могла бы находиться внутри, Сивилла наконец приняла судьбоносное решение – войти. Ей казалось, что подняться по этим трем ступенькам к тяжелым стеклянным входным дверям отеля не проще, чем забраться на Эверест. Это был подъем в неизвестность.

В главном холле она взглянула на стилизованные под факелы лампы, свисавшие с потолка, изучила знакомые прожилки мрамора, желтые, черные и белые паркетины пола. Хотя этот холл был знаком ей по предыдущим посещениям, сейчас она отмечала каждую его деталь так, словно была здесь впервые.

Нужно ли регистрироваться? Сивилла заколебалась. А может, отправиться прямо в номер 1113, предположив, что он свободен и в ее сумочке лежит ключ именно от этого номера? Она взбежала на пятнадцать ступенек вверх, в ротонду. Здесь она была в безопасности и от стойки регистрации и от лифта – Сциллы и Харибды ее ужасов.

Главной достопримечательностью ротонды было обрамленное мраморной плиткой окно с разноцветными стеклами, достигавшее в высоту двенадцати метров. Это и в самом деле красивое окно открывало вид на антресоли. На высоком потолке, украшенном золотыми листьями, виднелся лозунг: «Верность, справедливость, гордость, братская любовь – вот достоинства, высеченные на скрижалях любви и памяти. О недостатках же наших ближних мы пишем на песке».

Несколько мимолетных мгновений, пока Сивилла смотрела на потолок, она ощущала покой, вызванный его красотой. Но это ощущение прошло, когда она, медленно спускаясь по ступеням, возвращалась из ротонды в главный холл. Вновь ища спасения во внешних впечатлениях, она отметила, насколько изменилось это место с тех пор, как она была здесь в последний раз. Другими стали посыльные. Не видела она прежде и похожую на сову пышногрудую женщину за стойкой регистрации. И опять, вглядываясь во внутреннее окно с витражами, Сивилла пыталась заставить себя решить – регистрироваться ей или отправиться в номер 1113, к которому мог подойти необъяснимым образом оказавшийся у нее ключ. Так ничего и не решив, она поспешно вышла на Брод-стрит.

В киоске перед отелем она купила «Филадельфия бюллетин». Газета была датирована 7 января 1958 года. Словно не веря в это, Сивилла купила и «Филадельфия инкуайрер». Там стояла та же дата.

Седьмое января. Из химической лаборатории она выходила второго января. Пять потерянных дней. Страх неведения сменился еще большим страхом – страхом знания.

– Не подскажите, который час? – с деланной беззаботностью обратилась Сивилла к продавцу газет.

– Девять часов, – ответил он.

Девять часов вечера. Когда она ждала лифта в Колумбийском университете, было восемь сорок пять. Почти пять суток с точностью чуть ли не до часа.

Медленно, боязливо Сивилла вновь толкнула тяжелую стеклянную дверь отеля. Чувство паники, угрызения совести, самообвинения, возникшие при осознании того, что она потеряла пять дней, вынудили ее поспешить. Она не сразу поняла, что ее кто-то зовет. Это оказалась та самая похожая на сову пышная женщина за стойкой регистрации.

– Здравствуйте, можно вас? – говорила эта женщина, кивая своей большой головой в знак того, что она узнает Сивиллу. Брови ее выдавались вперед так, что казались жесткими кисточками над глазами совы – как с самого начала Сивилла и охарактеризовала ее.

– У вас найдется минутка? – взывала женщина. – Я хочу поговорить с вами.

Как под гипнозом, Сивилла подошла к стойке.

– Так вот, как только войдете в свой номер, – торжественно сказала женщина, – примите горячую ванну и выпейте горячего чая. Я за вас так беспокоилась из-за этой метели, умоляла: «Не нужно выходить», а вы не захотели слушать. С такой погодой шутки плохи!

– Благодарю вас. Со мной все в порядке, – несколько натянуто ответила Сивилла.

Женщина улыбалась ей вслед, пока она шла к площадке лифтов.

Сивилла могла бы поклясться – поклясться, принеся присягу перед судом присяжных, – в том, что прошло около года с тех пор, как она останавливалась в отеле «Бродвуд». И перед тем же судом эта женщина-регистратор, не работавшая здесь в прошлом году, могла бы поклясться, тоже под присягой, что Сивилла находилась в этом отеле ранее седьмого января.

Открылась дверь одного из двух лифтов. Сивилла, встревоженная и глубоко озабоченная, вошла в кабину. Она была единственным пассажиром лифта.

– На одиннадцатый, пожалуйста, – попросила она.

– Были на улице в такую погоду? – спросил лифтер.

Она прошептала:

– Да.

– Одиннадцатый, – объявил он.

Двери лифта захлопнулись за Сивиллой, их металлическое клацанье отозвалось в ее позвоночнике, как те непонимающие взгляды в химической лаборатории. Между этими двумя лифтами времени не существовало. При этой мысли ощущение виновности усилилось.

А есть ли здесь номер 1113? Номера на дверях – 1105, 1107, 1111 – возвещали о вероятности номера 1113. И вот, вспыхивая, затухая и вновь вспыхивая, как неоновая реклама, появились цифры 1113!

Сивилла открыла сумочку, достала ключ, повертела его в дрожащей руке, глубоко вздохнула, вставила его в замочную скважину и выдернула обратно, боясь поверить, что ключ действительно подходит к этой двери.

Входить или нет?

Она вставила ключ в замочную скважину. Ключ подошел. Дверь распахнулась. Перед Сивиллой был номер 1113.

Никто ничего не сказал. Никто не шевельнулся, не подошел. Значило ли это, что здесь никого нет?

Сивилла всем телом вжалась в дверной косяк и, не переступая порога, стала шарить рукой по стене в поисках выключателя. Когда свет зажегся, он разогнал все ее страхи относительно того, что могло бы здесь оказаться. Войдя в номер и закрыв за собой дверь, она неподвижно застыла как замороженная.

Насколько ей было известно, она никогда не бывала в этом помещении. Но если это не ее номер, то где она спала со второго по седьмое января и откуда взялся ключ? Не могла же она все это время находиться на улице!

Значит, она сняла этот номер? Поведение женщины за стойкой внизу говорило о том, что так оно и есть.

Сивилла сняла мокрое пальто и повесила его на спинку кресла, сбросила с ног мокрые туфли и плюхнулась в зеленое кресло у окна. Она *не знала*, ее ли это комната, но после разговора с той женщиной перестала думать, что это чей-то чужой номер.

Некоторое время Сивилла рассеянно смотрела в окно на католическую школу для мальчиков и на здание, в котором размещалась «Филадельфия морнинг рекорд». Затем, не найдя успокоения в бездумном сидении, она потянулась за газетами, которые принесла с собой.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ ИНКУАЙРЕР

ГОРОДСКОЕ ИЗДАНИЕ

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ НАРОДА

«Мои глаза закрываются от усталости».

УТРЕННИЙ ВЫПУСК,

ВТОРНИК, 7 ЯНВАРЯ 1958 ГОДА

«Седьмое января. Седьмое января – это очевидный факт, ясно говорящий о том, что я потеряла пять дней».

РУССКИЕ УТВЕРЖДАЮТ,

ЧТО ЗАПУСТИЛИ ЧЕЛОВЕКА НА ВЫСОТУ 186 МИЛЬ

Гэвин говорит: «Управляемые ракеты стоят своих денег».

Конгресс 85-го созыва открывает сегодня вторую сессию

«Так много всего случилось за то время, пока меня не было в этом мире».

ЛЕТЧИК УДАЧНО ПРИЗЕМЛЯЕТСЯ С ПАРАШЮТОМ

ПОСЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ПОЛЕТА

«Мой полет тоже был героическим. Эти улицы. Эти ступеньки. Так много улиц. Скорее все-таки не полет, а падение, поскольку я опять потеряла время, хотя считала, что со мной такого больше не случится».

ЗАНОСЫ АВТОМОБИЛЕЙ

СОЗДАЛИ ПРОБКИ НА ОБЛЕДЕНЕВШИХ ДОРОГАХ

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ВТОРНИК, 7 ЯНВАРЯ 1958 ГОДА

«Оплатить счет. Выписаться. Выписаться, когда я не регистрировалась? И как я попала сюда без багажа?»

МЕТЕЛЬ, ВИДИМО, ПРОДЛИТСЯ ВСЮ НОЧЬ

«Всю ночь?»

Лучше остаться. Скомкав газету, Сивилла бросила ее в разукрашенную металлическую корзину для мусора и подошла к столу, чтобы позвонить в бюро обслуживания. Она заказала гороховый суп-пюре и стакан горячего молока. Ожидая, пока принесут еду, она решила позвонить доктору Уилбур. Слишком долго. Слишком долго она ждала, чтобы добраться до доктора.

Сивилла подняла трубку и начала диктовать телефонистке отеля номер доктора Уилбур. Внезапно ее внимание отвлекло нечто лежащее на комод. Недоверчиво уставившись на этот предмет, она резко бросила трубку. Это была ее папка на молнии.

Рядом лежали ее перчатки, которые оченьгодились бы в метель, и красный шарф, что был надет на ней, когда она ждала лифта в Колумбийском университете.

Вся дрожа, Сивилла подошла к комоду и судорожно схватила папку. Расстегнув молнию, она обнаружила там те же самые записи по химии, которые она собрала со стола пять дней назад в лаборатории.

Кроме того, на углу комода лежало то, чего она сразу не заметила: чек на пижаму, приобретенную в местном магазине. Магазин этот находился далековато от «Бродвуда», но на метро можно было доехать от двери до двери. Пижамы обошлась ей в шесть долларов девяносто восемь центов. Интересно, эти шесть девяносто восемь входят в ту сумму, на которую стал легче ее кошелек?

Пижамы! Где же она? Сивилла осмотрела комод и шкафы – никакой пижамы.

Она обследовала ванную и сначала ничего не увидела, но потом на крючке за дверью нашла пижаму, висющую как акт обвинения.

Пижамы была помятой, в ней спали. Неужели это она в ней спала? Яркая, крикливая пижамы в оранжевую и зеленую полоску. Не ее стиль. Сивилла всегда выбирала спокойные тона, обычно различные оттенки синего. Пижамы, которую она обнаружила здесь, мог бы выбрать ребенок.

Сивилла вернулась в комнату. Колени у нее подгибались. Упреки, которые она адресовала самой себе, выяснив, что потеряла эти дни, внезапно усилились после того, как на комод были обнаружены эти предметы. Папка таранилась на нее, красный шарф угрожал ей, а перчатки указывали на нее, как будто могли передвигаться сами собой.

Затем внимание Сивиллы привлек не замеченный ранее предмет, лежащий на прикроватном столике: карандашный рисунок с изображением одинокой женской фигуры возле обрыва, на фоне нависающей над ней горы, угрожающей раздавить ее, делающей ее крошечной. Рисунок был набросан на почтовой бумаге, принадлежащей отелю. Нарисованный в этой комнате, он, очевидно, был оставлен человеком, который это изображение создал. Кем?

Раздался стук в дверь, вошел официант и поставил на стол поднос с супом и молоком, которые она заказала.

– Не слишком-то вы сегодня проголодались, – сказал стройный гибкий официант.

Это звучало так, словно он сравнивал теперешний заказ с какими-то предыдущими заказами. Говорил он мягко, покровительственно, как будто хорошо знал Сивиллу. Однако она знала, что никогда не видела его прежде. Официант вышел.

Глядя на еду на подносе, Сивилла ощутила панику иного свойства, чем та, которую она испытала среди массивных неприглядных зданий в районе складов. Официант. Женщина-регистратор с пышным бюстом. Пижамы. Карандашный рисунок женской фигурки возле обрыва. Все это было осмысленно – ужасно осмысленно. Паника, которую она испытала в районе складов из-за непонимания происходящего, была вытеснена паникой частичного понимания у газетного киоска. А теперь попытка частичного понимания утонула в бесконечно более сильном ужасе точного знания. Пижамы и карандашный рисунок не оставляли сомнений.

Сивилла торопливо выпила молоко, отставила в сторону суп, поспешно надела туфли, все еще мокрое пальто, шарф и перчатки. Пижамы и квитанцию на нее она затолкала в папку. Она собиралась провести здесь ночь, но неожиданно, вопреки тому, что она знала о продолжающейся метели и о возможной в связи с этим задержке поездов, ее охватило чувство, что она *должна* вернуться в Нью-Йорк, чтобы избежать риска, который мог подстеречь ее здесь.

Сивилла Изабел Дорсетт поняла, что ей обязательно нужно вернуться в Нью-Йорк, пока она остается самой собой.

2. Внутренняя война

Поезда. Эти ночные драконы завораживали Сивиллу, пугали ее, вводили в состояние транса. В прошлом они обычно значили побег. Этот поезд, однако, увозил ее не от себя, а к себе. И она знала, что ей нужно вернуться в Нью-Йорк не из-за лабораторной по химии и не из-за других занятий, а из-за доктора Уилбур.

Сивилла пыталась представить себе, что произошло в ее отсутствие: пропуск регулярного ежедневного посещения доктора, предположительные попытки доктора искать ее, а самое главное – переживания доктора по поводу того, что могло случиться.

Потом Сивилла отбросила эти тревожные мысли. Спокойное настроение, охватившее ее, как только она села в поезд, было слишком приятно, чтобы портить его бесплодными предположениями, сожалениями и самообвинениями.

Вместо этого Сивилла Изабел Дорсетт стала вспоминать самую первую встречу с доктором Уилбур и события, связанные с этой встречей. Вырвавшийся на волю поток воспоминаний был таким мощным, что не прекратился до того момента, когда поезд остановился на вокзале Пенсильвания в Нью-Йорке.

В 1945 году Сивилле было двадцать два года. Тем летом, полностью поглощенная своими эмоциями, она жила в состоянии отчаяния вместе со своими родителями – Уиллардом и Генриеттой (Хэтти) Дорсетт. Кроме войны внешней Сивилла переживала и внутреннюю войну. Ее война была не войной нервов в обычном смысле этого слова, но своеобразной войной нервозности: нервные симптомы, угнетавшие ее с детства, настолько усилились во время учебы в Средне-Западном педагогическом колледже, где она специализировалась по живописи, что руководство колледжа в июне прошлого года отослало ее домой, заявив, что она сможет вернуться не ранее, чем какой-нибудь психиатр подтвердит ее полноценность. Гвен Апдайк, медсестра из колледжа, побоялась отпускать Сивиллу одну и проводила ее до дому. Но возвращение домой, которое перенесло девушку из невыносимой учебной обстановки в еще более невыносимую обстановку общения с родителями, чрезмерно заботливыми и в то же время лишенными сострадания, лишь отяготило ее симптомы. В августе 1945 года Сивилла усердно искала решение проблемы, ставшей ее пожизненной дилеммой, которую ни она, ни кто-либо иной не в состоянии были понять.

В таком состоянии ума Сивилла впервые посетила доктора Линна Томпсона Холла, лечившего ее мать. В тот раз больна была ее мать, у которой вздулся живот, и Сивилла пришла в приемную в качестве дочери пациентки. Однако во время разговора с доктором Холлом о матери Сивилла ощутила мимолетное желание услышать расспросы о себе. Ей нравился высокий, с мягким голосом доктор Холл, и она осознавала, что больше всего ей нравилось то, что он относится к ней как к разумному взрослому человеку. В то же время это осознание беспокоило ее. Возраст двадцать два года давал ей право считаться взрослой. Коэффициент интеллекта 170 в соответствии со стандартным психологическим тестом давал ей право считаться очень умной. Однако она никогда не ощущала себя разумным взрослым человеком в присутствии матери и даже отца. Она родилась, когда родителям было по сорок лет, и не помнила свою мать без седины. Сивилла предполагала, что речь идет о повторении истории Исаака и Иакова с той поправкой, что разрыв составлял не одно, а два поколения; к тому же она была единственным ребенком, и это объясняло тот факт, что в присутствии родителей она оставалась маленькой девочкой. Почему-то она так и не могла повзрослеть в их глазах.

Сивиллу тянуло к доктору Холлу. Во время первого визита ей хотелось услышать от него: «Что с вами случилось? Не могу ли я чем-то помочь?» Во время второго визита, тремя

днями позже, это желание стало еще сильнее и навязчивей. Однако, сидя час за часом рядом с матерью в переполненной приемной (во время войны врачей не хватало), Сивилла теряла смелость. Она знала, что совершенно неразумно ожидать от доктора Холла расспросов о ее состоянии.

Наконец подошла очередь матери. И вот осмотр, во время которого Сивилла всегда присутствовала по настоянию матери, закончился. Когда Сивилла, мать и доктор выходили из смотровой, он отвел Сивиллу в сторону и сказал:

– Мне хотелось бы минутку поговорить с вами в кабинете, мисс Дорсетт.

Мать отправилась одеваться, а Сивилла пошла за доктором Холлом в его кабинет.

К удивлению Сивиллы, врач заговорил не о ее матери. Пристально глядя на Сивиллу из своего вращающегося кресла, доктор Холл прямо сказал ей:

– Мисс Дорсетт, вы бледны и худы. Вас что-нибудь беспокоит? – Он выждал немного и добавил: – Не мог бы я чем-то помочь вам?

Случилось в точности то, на что она надеялась, но это встревожило ее. Хотя Сивилла желала как раз этого, она растерялась, когда такая возможность подвернулась. Каким образом доктор Холл сумел проникнуть в ее мысли? Не может быть, чтобы он инстинктивно уловил ее невысказанные желания. То, что здешний народ считал его проницательным человеком и, вероятно, лучшим терапевтом штата Омаха, было недостаточным объяснением.

Внезапно осознав, что сейчас не время для размышлений, поскольку доктор Холл обратился к ней с вопросом и теперь ждет ответа, Сивилла медленно произнесла:

– Знаете, особых жалоб на физическое состояние у меня нет. – Ей отчаянно хотелось получить от него помощь, но, боясь сказать слишком многое, она только добавила: – Я просто нервная. Я так всего боялась в колледже, что меня отправили домой до тех пор, пока мне не станет лучше.

Доктор Холл внимательно слушал, и Сивилла понимала, что он действительно хочет помочь ей. В то же время из-за ее излишнего стремления держаться в тени, из-за твердой убежденности в том, что она ничего собой не представляет, ей были непонятны его побуждения.

– Так, значит, вы сейчас не учитесь? – спросил доктор. – Чем же вы занимаетесь?

– Преподаю в младших классах школы, – ответила она.

Хотя у нее не было диплома, устроиться удалось без труда из-за нехватки учителей во время войны.

– Понятно, – сказал доктор Холл. – А эта нервозность, о которой вы говорите... В какой форме она выражается?

Вопрос привел ее в ужас. И в самом деле, в какой форме? Как раз об этом ей не хотелось говорить. Не важно, насколько сильно хочет помочь ей доктор Холл, не важно, насколько сильно ей хочется получить от него помощь, но рассказать ему об этом она не может. Информацией, которую он хотел бы получить, она никогда не делилась с другими.

Речь шла о какой-то зловещей силе, которая подчинила себе всю ее жизнь, сделала ее непохожей на других людей, однако оставалась безымянной даже для нее самой.

Сивилла сказала лишь:

– Я думаю, что мне нужен психиатр.

Это, по ее мнению, было честным выходом из ситуации, но она напряженно вглядывалась в лицо доктора Холла, чтобы понять, как он это воспримет. Он не выказал удивления и, похоже, не вынес никакого суждения.

– Я подберу вам психиатра, – сказал он деловито, – и сообщу, в какое время вам нужно прийти с матерью во вторник.

– Хорошо. Спасибо, доктор, – ответила Сивилла.

Краткая сухая фраза формальной благодарности прозвучала глухо. Сивилла понимала, что эти слова не способны передать и крошечной доли охвативших ее чувств. Ей нужно было посетить психиатра не только для того, чтобы избавиться от нервозности (если от нее действительно можно было избавиться), – от помощи психиатра зависела сама возможность вернуться к учебе в колледже. Сивилле отчаянно хотелось продолжить учебу. И она знала, что есть один-единственный способ сделать это.

Родителям Сивилла ничего не сказала, но во вторник в присутствии ее матери доктор Холл сообщил:

– Доктор Уилбур ожидает вас десятого августа в два часа пополудни. Ей особенно хорошо удается работа с молодыми.

Сивилла почувствовала, как ее сердце подскочило и упало. Радость по поводу возможности посетить психиатра была омрачена местоимением «ей». Женщина? Она правильно расслышала? Все врачи, с которыми она до сих пор сталкивалась, были мужчинами.

– Да, – продолжал доктор Холл, – доктор Уилбур очень много и успешно работала с пациентами, которых я посылал к ней.

Сивилла почти не слышала его, поскольку импульс ужаса при мысли о том, что в ее сознании будет копать *женщина*-психиатр, почти заглушил его слова. Затем вдруг ее страх поубавился. У нее сложились теплые взаимоотношения с мисс Апдайк, медсестрой из колледжа, зато общение с мужчиной-невропатологом из клиники Майо закончилось провалом. Этот невропатолог закрыл ее историю болезни после первого же визита, заявив отцу, что если она продолжит писать стихи, то все будет в порядке.

Доктор Холл слегка наклонился, положил руку на плечо ее матери и твердо сказал:

– А вы, матушка, с нею не пойдете.

Сивилла была поражена и даже шокирована тоном, которым доктор обращался к ее матери, и внешним отсутствием протеста с ее стороны. Для Сивиллы было само собой разумеющимся, что мать везде сопровождала ее, а она сопровождала мать. Ни разу Сивилла не смогла изменить такое положение вещей, хотя и пыталась сделать это. Постоянное присутствие матери в ее жизни превратилось в нечто вроде закона природы, став столь же неизбежным, как восход и заход солнца. Одной-единственной фразой доктор Холл опроверг законы природы.

Было в этой фразе и нечто иное, не поддававшееся пониманию. *Никто* – ни родственники, ни друзья, ни даже отец Сивиллы и уж конечно не сама Сивилла – никогда не указывали матери, что она должна делать. Ее мать, объявившая себя «великой Хэтти Дорсетт», была возвышающейся над всем, негибимой, непобедимой фигурой. Она не исполняла приказы – она отдавала их.

Выходя из кабинета с матерью, Сивилла страстно желала – иррационально, наверное, но тем не менее всей душой, – чтобы у женщины-психиатра, с которой ей предстояло встретиться, не были седые волосы.

Ровно в два часа пополудни десятого августа Сивилла вошла в офис доктора Корнелии Б. Уилбур на шестом этаже здания «Омаха медиал артс», и волосы у врача были не седыми. Они были рыжими, а сама доктор оказалась молодой женщиной, старше Сивиллы не более чем на десять лет. Глаза ее казались добрыми – несомненно, безусловно добрыми.

Тем не менее в Сивилле продолжали бороться те же самые противоречивые чувства, которые она переживала в кабинете доктора Холла: чувство облегчения от того, что она начнет наконец заниматься своей нервозностью, и в то же время страх перед тем, что сделать ничего не удастся, потому что состояние ее уникально и непоправимо.

Доктор Уилбур терпеливо слушала Сивиллу, которая в попытках замаскировать противоборство чувств без умолку болтала о своей ужасной нервозности и неуверенности в колледже, частенько вынуждавшей ее уходить из аудитории.

– Дела в колледже шли весьма плохо, – вспоминала Сивилла. – Мисс Апдайк, штатная медсестра, беспокоилась за меня. Потом их врач послал меня к невропатологу в клинику Майо. Я была у него только один раз, но он уверял, что все будет в порядке. А мне становилось все хуже. Они отослали меня домой и сказали, что не следует возвращаться, пока я не приведу себя в порядок.

Улыбка доктора успокаивала.

– Что ж, вот я и дома, – продолжала Сивилла. – Это ужасно, просто ужасно. Я постоянно нахожусь при родителях. Они ни на минуту не спускают с меня глаз. Они смотрят на меня с вытянутыми физиономиями. Я понимаю, им стыдно, что меня отослали домой из колледжа. Они возлагали большие надежды на меня и на мое образование. Но я рассчитываю вернуться, когда поправлюсь.

Доктор по-прежнему молчала, поэтому Сивилла продолжала говорить:

– Я единственный ребенок, – заметила она, – и родители очень хорошо относятся ко мне.

Доктор Уилбур, прикуривая, покивала головой.

– Они обо мне беспокоятся, – продолжала Сивилла. – Все обо мне беспокоятся: мои друзья, наш пастор – в общем, все. Я иллюстрирую проповедь пастора о Данииле и Откровении. Он говорит, а я в это время рисую зверя, о котором он рассказывает. Это действительно очень впечатляет. Я нахожусь на подмостках на высоте трех метров над полом. Я обычно рисую мелом на плотной бумаге свою интерпретацию того, о чем рассказывает пастор. Он дает мне заняться делом. Он...

– А как себя чувствуете *вы*? – прервала ее доктор Уилбур. – Вы все рассказываете мне о том, как к вам относятся другие. Но как вы-то сами себя чувствуете?

Последовало перечисление физических жалоб: Сивилла сообщила о своем плохом аппетите, о том, что она весит всего 36 килограммов, хотя росту в ней 162 сантиметра. Перечень включал также хронический синусит и слабое зрение, настолько слабое, что Сивилла выразилась об этом так:

– Иногда мне кажется, будто я смотрю сквозь какой-то туннель. – Сделав паузу, она добавила: – В общем, я чувствую себя нехорошо, но все мне говорят, что на самом деле я здорова. Еще с тех пор, как я была маленькой девочкой, мне плохо, но я не больна.

Доктору хотелось узнать, запоминает ли она сны? Нет, не запоминает. В детстве ей снились кошмары, но их содержания она тоже не помнит.

Когда доктор попыталась заставить ее рассказать о своих чувствах, Сивилла замкнулась. Однако доктор была настойчива. Наконец Сивилла сказала достаточно для того, чтобы услышать от доктора:

– Вам нужно будет походить ко мне. У вас есть трудности, с которыми можно справиться.

В этом доктор Уилбур была уверена. Но в то же время она понимала, что добиться контакта с Сивиллой будет нелегко. Она была такой наивной, неуклюжей, незрелой. Кроме того, она работала против себя, произнося множество слов и при этом ничего не рассказывая.

Самой Сивилле искренне хотелось бы вернуться сюда, но, стоя в приемной и расплачиваясь с секретаршей за визит, она осознала, что не сможет прийти в следующий раз, не переговорив предварительно со своими родителями. Тем не менее она чувствовала, что, если встречи с этим врачом продолжатся, ей станет лучше.

«Не слишком ли я разоткровенничалась с врачом?» – задумалась Сивилла, пока лифт стремительно переносил ее на первый этаж. Но она тут же уверила себя в том, что не рас-

сказала ничего из того, что не собиралась рассказывать. Позже, выходя из здания в сияние августовского солнца, она поняла, что никогда не сможет открыть доктору Уилбур всего, что могла бы и должна была бы рассказать. Все, что она, Сивилла Изабел Дорсетт, знала – знала уже тогда.

3. Кушетка и змий

Второй визит Сивиллы к доктору Уилбур прошел гладко. Однако когда пациентка выходила из здания «Медикал артс», она вспомнила о том, что мать поджидает ее в универмаге «Брандейс» в соседнем квартале. Расстроенная тем, что не сумеет сопровождать дочь в кабинет врача, Хэтти Дорсетт довела ее до самого лифта в здании, где был расположен кабинет.

– Я буду ждать тебя в «Брандейс», – сказала Хэтти у дверей лифта приказным тоном, обычным для их вынужденных отношений взаимозависимости, от которых они обе не могли отказаться, даже если бы захотели, – а уж Хэтти наверняка этого не хотела. Теперь это стало своеобразной интерпретацией древнего: «Прилепись и стань одним с ним...»

Медленным шагом Сивилла покорно вошла в универмаг «Брандейс», где почти сразу же увидела стройную фигуру матери, ее гордо посаженную голову и седые волосы. И сразу последовало материнское:

– Что эта доктор говорит *обо мне*?

В вопросе прозвучали требовательные нотки.

– Она ничего не говорила, – ответила Сивилла.

– Ну тогда пойдем, – раздраженно бросила мать.

– Мне хотелось бы зайти в библиотеку, – возразила Сивилла.

– Ах, ну ладно, – согласилась мать. – Я и сама хотела взять какую-нибудь книгу.

В библиотеке на Харни-стрит Сивилла с матерью разошлись по разным отделам и встретились вновь у стола регистрации. Сивилла держала в руках «Серебряную нить» Сидни Ховард.

– Что это? – спросила мать.

– Какая-то пьеса, – ответила Сивилла. – Доктор Уилбур порекомендовала мне прочесть ее.

В этот вечер, пока Сивилла готовила ужин, а потом мыла посуду, мать сидела и читала «Серебряную нить». Закончив, она заметила:

– Не понимаю, для чего доктор Уилбур просила тебя читать это. Какое это имеет отношение к тебе?

Уиллард Дорсетт, помалкивавший, пока разговаривали жена и дочь, сам имел наготове несколько вопросов. Он неохотно, но согласился на курс лечения Сивиллы, поскольку после того, как ее отослали домой из колледжа, Уиллард сознавал: *что-то* делать придется. Сомневаясь в том, что решением проблемы станет психиатрия, он был готов испробовать и это. Но теперь он задумался над тем, правильным ли было принятое решение.

Лечение, начавшееся десятого августа и включавшее еженедельные визиты к врачу, продолжалось до середины осени 1945 года. Для всех троих членов семейства Дорсетт это было время ожиданий и тревог.

Всякий раз, когда Сивилла возвращалась после визита к доктору Уилбур, родители поджидали ее, как стервятники. «Что она говорила про нас? – спрашивали они вместе и по отдельности. – А что еще она говорила?» Они никогда не спрашивали: «Как ты себя чувствуешь?» или «Как у тебя идут дела?». Они не были способны даже на то, чего более всего желала от них Сивилла: просто помолчать. Лечение было достаточно болезненным само по себе, без этой постоянной инквизиции на дому.

– Вы сами себя принижаете, – сказала Сивилле ее доктор. – Вы себя низко оцениваете. Это неприятное чувство. Поэтому вы проецируете его на других и говорите: «Они меня не любят».

В другой раз она сказала:

– Вы талантливы и серьезны. Слишком серьезны. Вам нужно побольше общаться с людьми.

Еще одним мотивом было:

– Когда вы собираетесь взорваться?

Доктор Уилбур советовала:

– Уезжайте из дома. Отправляйтесь в Нью-Йорк или Чикаго, где вы сможете общаться с людьми, похожими на себя, – с людьми, увлеченными искусством. Уезжайте.

Сивилла хотела бы последовать этому совету. Обычная скованность, которую она ощущала дома, очень усилилась за время лечения.

Замечание доктора по поводу того, что Сивилле, к примеру, необходимо больше общаться с людьми, заставило мать просто задохнуться от гнева.

– Что ж, – надменно произнесла мать, когда Сивилла рассказала ей об этом, – а о чем толковала я все эти годы? Чем был плох мой диагноз? Почему бы не потратить деньги, которые мы платим за визиты, на то, чтобы я рассказала, что с тобой неладно?

Родители Сивиллы, разбирая сказанное доктором, критиковали заодно и самого врача. Она курила, а приличные женщины не курят – и если уж на то пошло, то приличные мужчины тоже. Она не ходила ни в какую церковь, не говоря уже об их церкви Истинной Веры. Короче говоря, они не доверяли доктору и прямо заявляли об этом. Беда была в том, что, привыкнув к безоговорочному послушанию дочери, они рассчитывали на него и сейчас. Ее мать, видевшая вещи в черно-белом цвете, попросту дезавуировала мнение доктора Уилбур. Никто, врач он или нет, не может, в соответствии с убеждениями Хэтти, быть прав хоть в чем-нибудь, если он совершает поступки, которых не одобряет Хэтти Дорсетт.

Отношение матери к доктору Уилбур не удивило Сивиллу, но отношение отца – да. Сивилла всегда считала его достаточно объективным для того, чтобы прислушаться к разумным доводам, согласиться с тем, что доктор Уилбур может быть хорошим врачом, даже если она не нравится ему лично. Однако Сивилла вскоре поняла, что отец не в силах побороть свое внутреннее сопротивление по отношению ко всему, что говорит или советует доктор Уилбур, потому что ее образ жизни отличается от его. Она принадлежала к другому миру и была обречена оставаться чужаком и для Уилларда Дорсетта, и для его жены.

– Доктору Уилбур на самом деле нет до тебя дела, – постоянно предупреждала Сивиллу мать. – Сейчас она внушает тебе одно. А когда добьется того, чего ей от тебя нужно, начнет внушать совсем другое. И помни, дорогуша, она сразу изменит к тебе отношение, если ты скажешь ей, что не любишь собственную мать.

Сивилле приходилось уверять мать в том, что она никогда не скажет такого доктору, поскольку это неправда.

– Я люблю тебя, мама, действительно люблю, – вновь и вновь повторяла Сивилла.

Ситуация в целом была ужасной. Сивилле отчаянно хотелось вылечиться, и эти домашние сцены уж никак не помогали ей, но выхода не было. Если ее рассказы приводили к скандалам, то к тому же самому приводило и ее молчание. Если Сивилла ни о чем не рассказывала, ее обвиняли в том, что у нее скверный характер. И хотя подобные укоры не раз звучали и прежде, теперь родители стали утверждать, что ответственность за ее настроение несет доктор Уилбур.

– Она сведет тебя с ума, – предупреждала ее мать, – а потом они упрячут тебя в сумасшедший дом, потому что именно так эти врачи и делают деньги.

В противоположность этому люди со стороны, знавшие о том, что Сивилла посещает врача, и не знавшие об этом, отмечали явное улучшение ее состояния. Однако когда кто-нибудь говорил об этом, мать ее фыркала, а отец слушал вполуха. Сивилла предполагала, что он, возможно, понял бы ситуацию, если бы жена не промыла ему мозги своим постоянным: «Ей лучше, потому что она взрослеет. У всех появляется больше ума в голове, когда они

становятся постарше и начинают немного разбираться в вещах». Сивилле было двадцать два года, но мать говорила об этом периоде ее жизни не как о периоде взрослости, а как о начале созревания.

Во всяком случае, промывание мозгов не действовало на саму Сивиллу. С начала проведения еженедельных одночасовых сеансов с доктором в Омахе прошло уже почти два месяца, и Сивилла все больше и больше убеждалась в том, что доктор Уилбур способна помочь ей. Но для себя самой она все еще оставалась загадкой.

Сивилла не рассказала доктору о том, что озадачивало и мучило ее, – о каких-то ужасных, не имеющих названия процессах, происходивших со временем и памятью. К примеру, в конце лета и начале осени были случаи, когда Сивилла отправлялась в кабинет доктора и потом не могла ясно припомнить, что там происходило. Иногда она помнила, как входила в лифт, но не в кабинет. Иногда она помнила, как входила в кабинет, но не помнила, как покидала его. Порой Сивилла не могла сообщить родителям, что именно сказала доктор о них или о чем-либо еще. Сивилла вообще не была уверена, посещала ли в этот день доктора.

Один случай стал для нее особенно памятным. Какой-то парадокс или шутка: воспоминание о том, чего ты не помнишь.

Сивилла услышала себя, произносящую:

– Не настолько плохо, как обычно.

– Откуда вы знаете? – спросила доктор.

– Сейчас я должна была бы выходить в холл или что-то в этом роде, – ответила Сивилла.

– Ну да, – сказала доктор, – вы чуть не выпрыгнули из окна. Вы вскочили с кресла и бросились к окну. Я не могла удержать вас.

Сивилла не помнила, чтобы делала что-либо подобное, но спорить не стала. Всю жизнь люди говорили ей, что она сделала нечто, чего на самом деле она не делала. Пусть так будет и в кабинете доктора Уилбур – как всегда.

– На самом деле я не очень испугалась, – пояснила доктор. – Из этих окон не выпрыгнешь. В них стоит стекло особого рода. Небьющееся, знаете ли. – И затем доктор Уилбур произнесла уже серьезней: – У вас было что-то вроде небольшого припадка. Это не эпилепсия; это был припадок психического характера.

Психического? Доктор уже говорила, что Сивилла нервозна. Это все старое – ничего нового. Новым, однако, было то, что врач, судя по всему, не осуждала ее. Сивилла сама всегда осуждала себя, когда с ней случались такие вещи. Никто, кроме нее, не знал о них, но она была уверена, что всякий, узнавший о подобном, посчитал бы ее виновной в неприличном поведении.

К тому же доктор Уилбур не находила ее состояние безнадежным, чего сама Сивилла частенько боялась. На ближайшее будущее доктор предложила ей на выбор: продолжать преподавать в младших классах еще год; вернуться в колледж; и наконец, пройти интенсивный курс лечения в Мемориальной больнице Кларксона, где ее врач с коллегой руководили психиатрическим отделением.

Сивилла выбрала больницу. Но когда она рассказала об этом родителям, они расстроились, даже ужаснулись. Для них госпитализация означала только одно: их дочь безумна.

– Это не имеет ничего общего с безумием, – пыталась объяснить Сивилла. – Доктор Уилбур говорит, что это не имеет с ним ничего общего.

– Значит, это имеет что-то общее с дьяволом, – зловеще прокомментировал отец.

– Кларксон, Парксон, парк сын, парк дочь, – забормотала мать.

Несмотря на то что больница казалась прямой дорогой в ад, Уиллард Дорсетт согласился переговорить с доктором Уилбур, решив встретиться с ней не в ее приемной в «Медикал артс», а в самом «Кларксоне».

Хэтти и Сивилла ждали его в автомобиле возле больницы: мать – кусая ногти, дочь – сжимая зубы. А там, внутри, доктор Уилбур сумела развеять опасения Уилларда Дорсетта относительно того, что его дочь будет связана и заперта, что ей сделают лоботомию, что ей станет хуже из-за контакта с другими пациентами, находящимися в более тяжелом состоянии, и что после некоторого улучшения ее состояния и возвращения домой наступит рецидив и она опять вернется в больницу. Госпитализация представлялась ему бесконечно повторяющимся циклом: туда-сюда, туда-сюда...

Рассеялся и самый глубокий страх ее отца – страх перед тем, что его дочери будут давать наркотики.

– Нет, – уверила его доктор Уилбур, – мы не станем делать это.

Наконец, хотя Уиллард Дорсетт по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке в связи с тем, что его дочь должна пройти курс психиатрического лечения, он все же дал согласие на ее госпитализацию в «Кларксоне».

Как полагала доктор Уилбур, «Кларксон» был всего лишь временной мерой. Она чувствовала, что Сивилла крайне нуждается в психоанализе.

– Вы из тех людей, которым следует пройти психоанализ, – сказала она своей пациентке. – Я бы хотела сама заняться этим, но я пока еще не аналитик. Вообще говоря, вскоре я уезжаю из Омахи, чтобы пройти курсы психоанализа. Рекомендую вам, выйдя из «Кларксона», отправиться в Чикаго для проведения психоанализа.

Перспектива взволновала Сивиллу. Чикаго означало не только приближение к источнику правды о себе, но и возможность покинуть дом. Однако психоанализ стал настоящей проблемой для Уилларда и Хэтти Дорсетт. Они согласились на лечение у психиатра, даже на госпитализацию, но психоанализ – совсем другое дело.

Кушетка и Змий. Родители боялись, что загадочный мир кушетки психоаналитика может оказаться антитезой их глубочайшим религиозным убеждениям, что он способен даже исключить Господа из картины мироздания. Их религия, в которой отец Сивиллы воспитывался с рождения и к которой ее мать, принадлежавшая когда-то к методистской церкви, примкнула после заключения брака, учила, что всякий индивидуум имеет право выбора между Богом и дьяволом, между Богом и Люцифером из Пророчеств, между Богом и Змием из Писания. Дьявол, учила их религия, может получить контроль над судьбой индивидуума лишь в том случае, если этот индивидуум добровольно передаст ему контроль. Всякий человек – верили Дорсетты – имеет возможность выбирать между Богом и дьяволом; Бог, взяв на себя полную ответственность за действия тех, кто избрал его, может привести всех, сделавших правильный выбор, в рай. А выбравшие дьявола отправятся в противоположном направлении.

Боясь предать свою дочь, а через нее и себя, в руки дьявола, Уиллард Дорсетт не мог дать Сивилле окончательного согласия, когда она стала умолять его разрешить ей отправиться в Чикаго для проведения курса психоанализа.

– Я не знаю, – сказал он. – Я должен обсудить это с пастором Уэбером.

Пастор, решительный по натуре человек, разделял сомнения Уилларда Дорсетта относительно пользы психоанализа. Эти двое мужчин были очень близки, и под впечатлением от талантов Дорсетта как подрядчика пастор нанял его для постройки церквей их вероисповедания. К тому моменту, как они обсудили строящуюся церковь, надзор за которой осуществлял Дорсетт, пастор так и не пришел к окончательному решению.

– Не знаю, брат Дорсетт. Просто не знаю, – повторил он несколько раз.

После паузы Дорсетт высказался сам:

– Мне было бы спокойней, если бы этот чикагский психоаналитик был нашей веры. Боюсь, что врач не нашей веры будет пользоваться наркотиками, гипнозом и другими методами, которые я осуждаю.

Меря шагами помещение церкви, пастор погрузился в размышления. Наконец он заговорил:

– Вам придется решать это самостоятельно, брат Дорсетт. Хотелось бы мне помочь вам, но я действительно не знаю, что посоветовать.

Дорсетт тоже несколько раз прошелся туда и обратно. Затем он сказал с дрожью в голосе:

– Если Господь не является частью этой терапии, они ответят мне за то, что втянули меня в эту затею.

– Да, – подхватил пастор, – это все равно что впрячь миссурийского мула в новую тележку. Для начала нужно надеть ему на глаза шоры. – После долгой паузы он добавил: – Я верю в свободу мысли, совести и убеждений. Брат Дорсетт, вы знаете, что я могу быть очень убедительным, даже непреклонным. Но единственная форма убеждения, которую я использовал в жизни, – это простой разговор с людьми. Никогда я не прибегал к силе. И я не вполне уверен в том, что психоанализ не включает в себя использование силы. Но я не буду противиться тому, чтобы Сивилла отправилась в Чикаго. Принимать решение не мне, а вам с ней.

Уиллард Дорсетт пересказал Сивилле свой разговор с пастором и, решив, что нет более эффективной защиты от страхов, чем перекладывание их на чужие плечи, предоставил все решать ей.

– Я все равно хочу поехать в Чикаго, – прозвучал ясный и твердый ответ.

В церкви Сивилла поговорила с пастором. Она смотрела на его черный костюм и вглядывалась в его пронизательные темные глаза. Это было исследование тьмы, зримых символов страхов, которые нашли свое выражение. Почувствовав ее взгляд, пастор мягко сказал:

– Мы с вашим отцом всего лишь выражаем нашу точку зрения. Мы обязаны признать, что существуют и другие точки зрения. Если вы действительно хотите этого, мы не должны вам мешать.

Решение Сивиллы осталось неизменным. Ожидая свободного места в «Кларксоне» и сообщения из Чикаго, она видела свое ближайшее будущее как постепенное наступление на этот ужас, завладевший ее жизнью. Было так утешительно предпринять первые активные действия после долгих лет колебаний и проволочек как с ее стороны, так и со стороны ее родителей. Сивилла чувствовала, что должна наконец проявить решимость, на которую ранее не была способна.

Но внезапно все изменилось. Предлогом, хотя и не причиной, стала пневмония, которую она подхватила вместе с ангиной. Голова у Сивиллы болела ужасно, глотать было больно. Она пыталась выбраться из постели, чтобы позвонить доктору Уилбур и отменить сеанс, назначенный на шестое октября, но головокружение и слабость победили. Сивилла попросила мать позвонить доктору Уилбур.

Она слышала, как Хэтти Дорсетт называет телефонистке номер доктора Уилбур, представляется секретарше, а потом разговаривает с самим врачом.

– Да, это миссис Дорсетт, мать Сивиллы, – говорила в трубку Хэтти. – Сивилла больна и не может явиться к вам шестого октября. Да, похоже, сейчас у каждого второго ангина, но у нее, помимо того, еще и пневмония. Во всяком случае, она поручила мне позвонить вам. Спасибо.

Мать резко повесила трубку.

– Что сказала доктор? – спросила Сивилла. – Что она сказала?

– Она ничего не сказала, – ответила мать.

– Ничего о следующем сеансе? Ничего о больнице?

– Ничего.

Поезд уже добрался до Трентона, а Сивилла все продолжала вспоминать. Эхо голоса ее матери не умолкало. Сказанное тогда в Омахе она, казалось, произносила и сейчас. Слова ее, слышимые настолько отчетливо, как будто она сидела рядом с Сивиллой, звенели той же старой какофонией. Поезд приближался к Нью-Йорку, а воспоминания всплывали вновь и вновь, подталкиваемые, как полагала Сивилла, своей собственной логикой. Все это начал врач, к которому она возвращалась.

Узнав, что доктор Уилбур ничего не сказала по поводу следующего сеанса, Сивилла быстро избавилась от чувства разочарования, уверив себя в том, что доктор, по-видимому, предполагает, что пациентка сама позвонит, когда ей станет лучше. Однако когда она полностью поправилась и позвонила, ей сказали, что доктор Уилбур насовсем покинула Омаху. Естественно, Сивилла почувствовала себя отверженной.

После всех этих жарких домашних битв, после всех страданий из-за необходимости убедить родителей позволить ей начать курс лечения, а затем госпитализироваться в «Кларксон» дорога к выздоровлению оказалась перекрыта. Такого удара не выдержали бы даже храбрейшие из тех, кто эмоционально раним.

Сивилла отошла от телефона и бессильно опустилась на кровать. Она представила, как мать будет ругаться и как отец молча будет выражать недовольство. Она думала о докторе Уилбур и о том, как загадочно и непостижимо то, что она покинула город без всякой прощальной беседы, даже не бросив в сторону Сивиллы мимолетного взгляда. Может быть, она чем-то обидела доктора? Может быть, доктор решила, что Сивилла вовсе не была больна и потому умышленно прервала курс лечения? Конечно, этого тоже нельзя было исключить.

И что теперь? Письмо из Чикаго, в котором сообщалось, что время у психоаналитика расписано на два года вперед и что он не принимает новых пациентов, исключало психоанализ. Потеря доктора Уилбур исключала госпитализацию в «Кларксон» и продолжение лечения. В тишине своей комнаты Сивилле пришлось смириться с тем фактом, что ей каким-то образом придется справляться в одиночку. Она даже убедилась в том, что с отъездом доктора Уилбур и с отменой планов на Чикаго она будет более свободна в своих поступках. А более всего ей хотелось вернуться в колледж.

Достаточно ли хорошо она себя чувствует? В этом Сивилла была не вполне уверена, но понимала, что курс лечения у доктора Уилбур может послужить средством для восстановления в колледже. В конце концов, она ведь *посещала* психиатра.

Она написала мисс Апдайк о своем желании вернуться, и мисс Апдайк пообещала ей использовать свое влияние для того, чтобы сделать это возвращение возможным. А пока Сивилла продолжала преподавать в младших классах школы и рисовала. Ее картина «Городские улицы» и карандашный рисунок были выставлены в художественной галерее Омахи. Но эта безымянная вещь продолжала преследовать ее. Когда наступал день, свободный от *этого*, Сивилла отмечала в своем дневнике, пользуясь эвфемизмом: «Сегодня все шло хорошо». В январе 1947 года она вернулась в кампус.

В течение первой недели мисс Апдайк постоянно интересовалась, как идут дела, и когда Сивилла сообщила ей, что теперь она способна просидеть все занятия без ощущения внутреннего беспокойства, заставлявшего ее раньше покидать класс, мисс Апдайк казалась очень довольной. «Она видит, – писала Сивилла в своем дневнике 7 января 1947 года, – что мне гораздо лучше». Восьмого января 1947 года Сивилла отметила в дневнике, имея в виду это безымянное нечто: «Я так горжусь, что могла вчера вот так поговорить с мисс Апдайк и остаться на уровне. Пока никаких отклонений. Единственное, чего я так давно желала. Бог наверняка услышал мои молитвы».

Это безымянное нечто, эти «отклонения», которые могли помешать ей держаться «на уровне», тем не менее не ушли на покой. Ее дневник – действительно надежный показатель присутствия или отсутствия «отклонений», поскольку Сивилла, владея ситуацией, всегда

отмечала это соответствующей записью, так что пробелы в записях свидетельствуют о том, что даже в период, когда она считала себя «более или менее», далеко не все было в порядке. К примеру, отсутствует запись за девятое января – следующий день за вспышкой оптимизма. Часто за хорошими днями следовали дни плохие.

Хороших дней у Сивиллы оказалось достаточно много для того, чтобы завершить почти три года учебы, успешно начав второй семестр выпускного года. Но именно тогда, в 1948 году, незадолго до конца последнего семестра, Сивилле позвонил отец и вызвал ее в Канзас-Сити, где в то время жили родители. Мать ее умирала от рака селезенки и не желала, чтобы за ней ухаживал кто-нибудь, кроме Сивиллы. «Если твоя мамочка хочет именно этого, – сказал Уиллард Дорсетт дочери, – она это получит».

Сивилла не знала, чего ей ожидать по прибытии в Канзас-Сити. Старые страхи возобновились сами собой. Однако Хэтти Дорсетт никогда не была столь спокойной и уравновешенной, как тогда в Канзас-Сити. Парадоксально, но именно в этот кризисный период мать и дочь понимали друг друга лучше, чем когда-либо.

По иронии судьбы это спокойствие стало основой событий, начавшихся как самый заурядный вечер. Хэтти Дорсетт, относительно мало страдавшая от болей, сидела в большом красном кресле в гостиной дома Дорсеттов. Она читала «Домашний журнал для женщин» при свете маленькой настольной лампы. Сивилла внесла поднос с ужином. И тогда, вроде бы ни с того ни с сего, Хэтти Дорсетт заметила:

– Я никогда не делала этого.

– Чего не делала? – тихо спросила Сивилла, полагая, что мать сожалеет о чем-то, чего не сделала в прошлом, говорит о каких-то незаконченных делах, которые угнетают ее.

– Я никогда не звонила ей, – сказала Хэтти Дорсетт.

– Кому, мама?

– Я не звонила доктору Уилбур, – объяснила мать.

– Ты звонила, – поправила Сивилла. – Разве ты не помнишь? Я же слышала ваш разговор. Все до последнего словечка.

Хэтти Дорсетт спокойно ответила:

– Так вот, я держала палец на кнопке. Я не звонила. Я никогда ей не звонила.

Такая возможность ни разу не приходила Сивилле в голову. Нельзя было даже вообразить, что мать может столь решительно перекрыть ей путь к выздоровлению. Немыслимо было представить, что мать обрекла ее на неуверенность и сомнения по поводу врача, с которыми Сивилле пришлось жить с октября 1945 года – почти три года.

Маленькое озарение здесь, крошечное откровение там, пришедшие во время этого короткого, слишком короткого курса лечения, оказались достаточными для того, чтобы поддержать ее внутреннее равновесие и сделать возможным возвращение в колледж. Это безымянное нечто, которое доктор Уилбур уловила в тот день, когда ее пациентка бросилась к окну, продолжалось в Омахе, в колледже и в Канзас-Сити. И не кто иной, как ее мать, лелеявшая свою эксцентричную тайну, намеренно предопределила судьбу дочери, воспрепятствовав продолжению лечения.

Этот ужас, эта боль и горечь! Однако упреков не было. Никто никогда не критиковал Хэтти Дорсетт. Никто не изливал на нее гнев. Гнев есть грех.

Хэтти съела свой ужин. Сивилла отнесла поднос обратно в кухню. Ни мать, ни дочь больше не напоминали друг другу об этом звонке или о докторе Уилбур.

И все-таки откровение по поводу телефонного звонка полностью изменило отношение Сивиллы к своему бывшему врачу. Не зная о болезни Сивиллы, доктор, очевидно, попросту решила, что девушка уклонилась от лечения, не удосужившись даже сообщить о том, что больше не придет. Неудивительно, что доктор покинула Омаху, не позвонив ей. Не Сивилла

Дорсетт, а доктор Корнелия Уилбур имела полное право чувствовать себя глубоко оскорбленной.

До известия об этом несостоявшемся звонке Сивилла умышленно отгоняла мысли о докторе Уилбур. Теперь фигура доктора вновь появилась в ее мыслях, и Сивилла ощутила неожиданный прилив надежды. К ней вернулась восхитительная мечта стать полностью здоровой, начав с того места, на котором они расстались с доктором Уилбур. Но на этот раз нельзя позволить вмешиваться Змию. Мечту придется отложить до тех пор, пока Сивилла не сможет самостоятельно оплатить лечение.

Из врачебного справочника Сивилла узнала, что доктор Уилбур теперь работает психоаналитиком в Нью-Йорке. Именно в Нью-Йорк Сивилла и решила отправиться.

Ни разу в течение этих шести лет – с 1948-го по 1954-й, – отделивших принятое решение от его выполнения, Сивилла никому ни словом не обмолвилась о своей мечте. Ее намерения стали еще одной вещью, которую следовало держать при себе.

В июле 1948 года Хэтти Дорсетт скончалась и была похоронена в Канзас-Сити. В течение следующих двух месяцев Сивилла хозяйствовала в доме отца, а в сентябре вернулась в колледж. В июне 1949 года она закончила колледж со степенью бакалавра, и понадобилось вмешательство одного из профессоров, чтобы убедить ее отца, пребывавшего вместе с пастором Уэбером в Денвере, штат Колорадо, посетить церемонию выпуска. В тринадцать часов того же дня Сивилла выехала вместе с отцом в Денвер.

Следующие несколько лет она жила у своего отца, преподавала в школе и подрабатывала, ведя занятия по трудотерапии. Строительные заботы Уилларда Дорсетта заставляли его постоянно переезжать, и дочь следовала за ним. Тем не менее к лету 1954 года она скопила достаточную сумму денег для того, чтобы отправиться в Нью-Йорк, получить степень магистра при Колумбийском университете и возобновить лечение у доктора Уилбур. Ее отец, который знал лишь о том, что дочь собирается завершать образование в Нью-Йорке, отвез ее туда.

Сивилла прибыла в Нью-Йорк в День труда (первый понедельник сентября), но выжидала до октября, прежде чем позвонить доктору Уилбур, опасаясь как того, что доктор отвергнет ее, так и того, что она примет ее.

Первое казалось вполне правдоподобным: уж очень бесцеремонным способом были прекращены посещения Сивиллы. Но более вероятной – и еще более обидной – была возможность того, что доктор вообще не сможет ее вспомнить. Этот воображаемый отказ усиливался тем фактом, что Сивилла, чувствовавшая вину за несправедливое обвинение доктора Уилбур в том, что та покинула Омаху, не позвонив ей, ловко превратила испытываемое чувство вины в дополнительное чувство отверженности.

Быть принятой – это страхи другого рода. Сивилла знала, что, если ее примут, ей придется рассказать доктору о том ощущении балансирования на грани, которое она переживала к концу трехлетнего периода пребывания в Детройте – последнем месте жительства перед приездом в Нью-Йорк. Пока она вела занятия, все вроде бы было в порядке, хотя случалось, что она не помнила о происходившем в классной комнате. Однако как только она покидала классную комнату (вспоминать об этом было слишком ужасно!), с ней случались странные и непонятные вещи. Здесь не было ничего нового. Они случались с тех пор, как ей исполнилось три с половиной года, и она полностью уверилась в их наличии в четырнадцать лет. Но в Детройте они стали не только более частыми, но и более опасными. Сивилла была больше не в силах нести ужасное бремя тайны, о которой не решалась рассказать, и не могла больше придумывать ответы для того, чтобы создавать видимость своей нормальности.

Люди, которых она никогда раньше не видела, настаивали на том, что они знакомы с ней. Она отправлялась на пикник, и у нее появлялось смутное ощущение того, что она уже была здесь прежде. В ее шкафу оказывалось платье, которого она не покупала. Она могла

начать картину и, вернувшись в студию, обнаружить, что картина завершена кем-то другим – совершенно не в ее манере. Сон был кошмаром. Относительно сна вообще не было никакой уверенности. Часто Сивилле казалось, будто она проспала весь день и всю ночь. Также часто отсутствовала четкая линия, разделяющая время укладывания в постель вечером и пробуждения утром. Нередки были случаи, когда она вставала, так и не уснув, или, ложась спать, пробуждалась не на следующее утро, а в какое-то совсем нераспознаваемое время.

Если бы доктор Уилбур согласилась принять ее, всплыло бы и это, и многое другое. На сей раз – пообещала себе Сивилла, – страшно это или нет, но она должна обо всем рассказать доктору. Не сказать об этом было все равно что жаловаться врачу на головную боль, когда на самом деле у тебя рак.

Однако Сивилла, неуверенная в том, что *сможет* заставить себя рассказать обо всем, сознавая, что если она не расскажет, то лечение окажется совершенно бессмысленным, продолжала размышлять, правильным ли будет возобновить лечение. Перед тем как сделать решительный шаг, она колебалась шесть недель.

Здесь, в вагоне, краски прошлого блекли. Неожиданно самым важным стало настоящее, поскольку Сивилла поняла причину своего поспешного бегства из Филадельфии. Всякий раз, когда случался один из подобных инцидентов (а они случались с ней начиная с трех с половиной лет), все выглядело так, словно происходит впервые. Даже после того, как в четырнадцать лет Сивилла в принципе правильно оценила свою ситуацию, каждый раз она внушала себе, что начнет все с чистого листа и такое с нею больше никогда не случится. В Детройте эти эпизоды стали ошеломляюще многочисленными, и все-таки даже тогда Сивилла сумела заставить себя считать каждый из них последним.

Однако на этот раз иллюзия вызвала больший страх, чем обычно, из-за глубокого разочарования, которое она пережила в этот январский день 1958 года, спустя три с половиной года после начала психоанализа, – потому что эпизод, подобный произошедшему в Филадельфии, все-таки случился.

Поезд с пыхтением подошел к Пенсильванскому вокзалу. Сивилла, сжимая в руке свою папку, вышла из вагона, поспешила к такси и наконец почувствовала, что начинает освобождаться от настойчивых укоров совести по поводу случившегося в Филадельфии. К тому времени, как такси повернуло на Морнингсайд-драйв и подъехало к кирпичному зданию, в котором Сивилла в сентябре 1955 года сняла квартиру на третьем этаже на пару с Тедди Ривз, она почувствовала безопасность и облегчение – убаюканная своим желанием не помнить.

Тедди должна еще быть в Оклахоме со своей семьей. Сивилла поднялась по лестнице, зная о том, что никто не встретит ее, но не печалась по этому поводу.

Когда дверь квартиры распахнулась, ее покой испарился. Капри, худая, с широко раскрытыми глазами, приветствовала ее отчаянным хриплым мяуканьем. Эти звуки были обвинением, таким же обвинением, как пижама, оказавшаяся в номере отеля «Бродвуд». Сивилла бросила Капри, не оставив ей ни воды, ни пищи. Капри была ее единственной настоящей подругой, вообще единственным, что она имела. Сивилла никогда сознательно не допустила бы подобного обращения ни с каким животным, не говоря уже о ее бесценной Капри. Но она это сделала. Она бросила животное, которое любила, так же как ее саму в прошлом неоднократно бросали люди, утверждавшие, что любят ее.

4. Другая девушка

Сивилла не могла заснуть, зная, что утром ей придется рассказать доктору о том, что она натворила. Сделать это будет еще труднее, чем ей представлялось. Она поймала себя на том, что вспоминает о первой встрече с доктором в Нью-Йорке.

Полная ожиданий, надежд и тревог, Сивилла проснулась 18 октября 1954 года еще до рассвета. Она окинула взглядом спальню в студенческом общежитии Уиттер-холл, не различая в полутьме отдельных предметов. На спинке стула висел ее темно-синий габардиновый костюм. На туалетном столике лежали темно-синяя кожаная сумочка, темно-синие шелковые перчатки и шляпка того же цвета с небольшой темно-синей вуалью. Под стулом стояли наготове темно-синие кожаные туфли-лодочки на среднем каблуке. Дымчатые чулки были засунуты в туфли. Весь ансамбль был с великим тщанием подобран накануне вечером.

По мере того как рассветало и предметы обретали форму, ощущение отстраненности пропадало. Сивилла начала размышлять о том, что ей сказать доктору Уилбур. На этот раз придется поведать врачу все.

Сивилла потянула еще минутку, глядя в окно на занимающийся рассвет. Одевалась она медленно, тщательно. Застегивая лифчик, заметила, что у нее дрожат руки, и снова усе-лась на кровать, чтобы успокоиться. Через несколько секунд она встала и осторожно надела костюм. Надевая шляпу с почти механической точностью, Сивилла, даже не глядя в зеркало, знала, что выглядит так, как нужно. Темно-синий цвет был в моде, а эта маленькая вуалетка придавала всему ансамблю дополнительный шарм.

Сивилла подошла к окну. Деревья во дворе Уиттер-холла стояли без листьев, разде-тые осенью. Она взглянула прямо на солнце и тут же, ослепленная им, отступила от окна. Было всего шесть тридцать – слишком рано. Встреча с доктором не могла произойти раньше девяти.

Время. Относительно времени у нее никогда не было уверенности. Чем раньше она выйдет отсюда, тем лучше. Сивилла натянула перчатки.

Казалось, окружающий мир еще не совсем проснулся, когда она спускалась по ступе-ням Уиттер-холла, направляясь через Амстердам-авеню к аптеке Хартли на юго-восточном углу.

Аптека была пуста, если не считать кассирши и продавца. Поджидая, пока челове-чество изволит пробудиться, кассирша обрабатывала ногти наждачной пилкой; продавец в белом халате возился с тарелками за мраморной перегородкой.

Присев у стойки, Сивилла заказала масляное печенье и большой стакан молока, сняла перчатки и стала нервно тереть их. Поглощая печенье с молоком, она поняла, что умыш-ленно убивает время. Выражение «убивать время» заставило ее вздрогнуть.

Выйдя от Хартли в семь тридцать, она некоторое время ждала автобуса на Амстер-дам-авеню, но потом решила отказаться от этой идеи. Автобусы вводили ее в замешатель-ство, а сегодня утром нужно было мыслить ясно.

Минуя Шермерхорн и церковь Святого Павла, Сивилла едва узнала их. Только дойдя до 116-й улицы, где все напоминает о близости Колумбийского университета, она стала вос-принимать окружающее. Через тяжелые ворота на 116-й улице она разглядела в отдалении главное административное здание с его эклектичной архитектурой, с ионическими колон-нами и гордой и одновременно трогательной статуей *Alma mater* у входа. Ее поразило сход-ство этого здания и Пантеона в Риме.

Кафедральный собор Святого Иоанна Богослова на 113-й улице привлек ее внимание. Сивилла прогуливалась перед собором почти десять минут, рассматривая его готическую

архитектуру и размышляя о том, что такие соборы в свое время строились чуть ли не бесконечное число лет. Ну, *она-то* не может разгуливать бесконечно. Она ждала такси, но до восьми пятнадцати не появилось ни одной машины.

Водитель, говорящий с бруклинским акцентом, предложил Сивилле «Нью-Йорк таймс». Она с благодарностью взяла газету и обрела в этом успокоение, поскольку нервы, раздраженные неспешным продвижением машины в час пик, предупреждали о том, что, хотя ее сознание рвется к месту назначения, она может опоздать на встречу, несмотря на заблаговременный выход из дома. 18 октября 1954 года в газете не было кричащих заголовков. На первой полосе – никаких упоминаний о президенте Эйзенхауэре или сенаторе Джо Маккарти, которые обычно фигурировали в газетных шапках. Заголовки, скромные и аккуратные, сообщали: «Макмиллан возглавит британскую оборону в новом кабинете»; «Ширятся забастовки докеров Великобритании»; «40 колледжей присоединились к программе американской технической помощи 26 странам»; «Демократы лидируют в Палате представителей»; «Потери, вызванные забастовкой водителей тяжелых грузовиков, оцениваются в 10 000 000 долларов».

Сквозь все это пробивался заголовок, набранный невидимыми буквами: «ПОМНИТ ЛИ МЕНЯ ДОКТОР?»

Такси неожиданно остановилось. «Удачного вам денька», – пожелал водитель, когда Сивилла расплачивалась с ним. Удачный денек? Вряд ли. Она задумчиво вошла через парадную дверь пестро раскрашенного здания на углу Парк-авеню и 76-й улицы, где жила доктор Уилбур и где располагался ее кабинет. В восемь пятьдесят пять Сивилла стояла в фойе для посетителей перед апартаментами 4D.

Дверь была распахнута, чтобы пациенты могли войти без звонка. Сивилла оказалась в небольшой, неярко освещенной приемной с маленьким пристенным столиком, маленькой бронзовой лампой на нем и с фотографиями в рамках светлого дерева. Может быть, присесть?

В приемную вошла доктор Уилбур.

– Проходите, мисс Дорсетт, – сказала она.

Они прошли в солнечный кабинет, вспоминая свою последнюю встречу в Омахе почти десять лет назад.

«Она изменилась, – подумала Сивилла. – Волосы светлее, чем мне казалось. И выглядит она более женственно. Но глаза, улыбка и манера кивать остались теми же».

Доктор Уилбур в это время думала: «Она осталась такой же худенькой и хрупкой. Как будто не стала старше. Я бы узнала это лицо где угодно: лицо сердечком, вздернутый нос, небольшие губы бантиком. Такое лицо не встретишь на улицах Нью-Йорка. Это английское лицо. И несмотря на легкие оспинки, выглядит она как свежая, ничем не озабоченная англичанка».

Доктор не предложила Сивилле садиться, но сама ее манера обращения подсказывала сделать это. Куда присесть? Зеленая кушетка с небольшой треугольной подушкой, на которую пациенты, очевидно, преклоняли свои отягощенные заботами головы, не привлекала. Еще меньше она манила из-за наличия обтянутого материей кресла, которое смотрело прямо на подушку – зримый символ «третьего уха» психиатра.

Отказавшись от кушетки, Сивилла скованной походкой направилась к столу и креслу в противоположном конце кабинета, считая на ходу розовые круги на покрывающем весь пол ковре. С верхней книжной полки, висевшей на зеленовато-серой стене, на нее смотрели черная авторучка с золотым колпачком, воткнутая в золотой держатель на ониковом основании, небольшая зеленая подставка для карандашей и зеленая ваза, расписанная узором из зеленых листьев. В вазе стояли зеленые растения и веточки вербы с сережками. Сивилле понравилось, что у доктора здесь нет искусственных цветов.

Остановившись, она осторожно вытащила из-под письменного стола небольшой стул красного дерева и чинно присела на его краешек. Отчет, который она дала о себе, был кратким, основанным на фактах, лишенным эмоций. Это производило такое впечатление, будто пациентка сообщает о себе сведения при поступлении на работу, а не разговаривает с врачом, к которому она вернулась, сильно желая этого и приложив к тому огромные усилия. Такие темы, как учеба в колледже и ее окончание, преподавательская работа, трудотерапия, выставки работ, невозможность пройти курс психоанализа, рекомендованный доктором Уилбур еще в Омахе, и даже смерть матери, упомянутая без всяких эмоций, заполнили этот заставший от холода час.

Та же стужа сохранилась и когда Сивилла рассказывала о Стенли Макнамаре, учителе английского языка, вместе с которым она работала в Детройте до самого переезда в Нью-Йорк. Хотя их отношения созрели до такой степени, что Стен сделал Сивилле предложение, рассказывала она о нем холодно, как мог бы рассказывать социальный работник. Очерчивая фактическую сторону их взаимоотношений, избегая интимных подробностей и не упоминая о своих чувствах, она сообщила лишь, что по происхождению он полуирландец-полуеврей, что его отец бросил свою жену, которая позже бросила Стена. Этот «отчет» включал в себя замечания относительно того, что Стен воспитывался в приюте, своими силами пробился в колледж и в дальнейшем опирался лишь на себя самого.

Доктор Уилбур, в свою очередь, больше интересовало то, чего Сивилла не рассказала о Стенли, чем то, что Сивилла рассказала. Настаивать она тем не менее не стала. Прошел уже почти час, а она всего лишь спросила:

– Так чего вы хотите от меня?

– Мне хотелось бы вести занятия по трудотерапии, – ответила Сивилла.

– Мне кажется, вы уже занимаетесь этим.

– И мне хочется выйти замуж за Стена. Но я не уверена.

Когда доктор спросила, хочет ли пациентка встретиться с нею еще раз, Сивилла смущенно опустила голову, взглянула исподлобья и неуверенно сказала:

– Мне хотелось бы приходить к вам для сеансов психоанализа.

Доктор Уилбур была довольна. Сивилла Дорсетт будет интересным субъектом анализа: яркая, образованная, талантливая и в то же время боязливая, одинокая, замкнутая. От внимания доктора не ускользнул и тот факт, что зрачки ее глаз, расширенные от тревоги, были размером едва ли не во всю радужную оболочку.

В течение последующих недель сеансы стали столь важным событием в жизни Сивиллы, что она, можно сказать, жила лишь ради этих утренних встреч по вторникам с доктором Уилбур. Подготовка к сеансам стала ритуалом, в процессе которого Сивилла решала, надеть ли ей серый костюм с розовым свитером, темно-синий костюм с таким же синим свитером или серую юбку с жакетом цвета морской волны. В это же время Сивилла увлеклась частыми паломничествами в Шермерхорн, в университетскую библиотеку психологического факультета, где она погружалась в литературу по психиатрии, особенно в истории болезней. Она изучала симптомы, но отнюдь не из-за любознательности. Чем больше она узнает о симптомах других пациентов, тем более умело, полагала она, ей удастся скрывать симптомы собственные. Совершенно незаметно ее идеей фикс стало скрыть то, ради обнаружения чего она и приехала в Нью-Йорк.

Иногда пациент раскрывается даже во время первого визита. Эта же пациентка, с сожалением думала доктор, даже спустя почти два месяца пряталась, выставляя на поверхность только самый краешек своей сути. На этом краешке находился доктор Клингер, преподаватель живописи Сивиллы, с которым она расходилась во мнениях. Там же обретался Стен, за которого она подумывала выйти замуж, но который во время сеансов производил впечатление какой-то деревянной неживой фигуры. И лишь после терпеливых расспросов паци-

ентки доктор обнажила наконец тот факт, что Стен совершенно ясно – а точнее, неясно, в размытых, уклончивых фразах – предложил брак без секса. «Платонический» – такое слово использовала Сивилла.

Почему, размышляла доктор, умная женщина поддерживает отношения с мужчиной, у которого явно отсутствуют сексуальные реакции, с брошенным ребенком, никогда не знавшим любви и не умеющим дарить ее? Чем может объясняться столь низкое либидо, способное мириться с подобными взаимоотношениями?

Чем ниже либидо, тем больше умолчаний. Поначалу доктор объясняла эти умолчания строгими правилами, в которых воспитывалась Сивилла. Однако это не объясняло отстраненности, которая маскировала ужас в ее глазах. «Она дурачит меня, – подумала доктор. – Она со мной неискренна».

Тринадцатого декабря Сивилла затронула наконец новую струну:

– Меня заботят рождественские каникулы.

– Почему?

– Каникулы тревожат меня.

– Каким образом?

– Так много нужно сделать. Я не знаю, с чего начать, и потом получается, что не делаю ничего. Я впадаю в какое-то замешательство. Мне трудно описать это.

– А почему бы во время каникул вам не приходиться три раза в неделю? – предложила доктор. – Таким образом мы смогли бы побольше побеседовать и снять ваше напряжение.

Сивилла согласилась.

И вот 21 декабря 1954 года, спустя три месяца после начала анализа, во время сеанса, который довольно неожиданно начался словами Сивиллы: «Я хочу показать вам письмо, которое получила сегодня утром от Стена», доктор Уилбур подступила заметно ближе к правде о Сивилле Изабел Дорсетт.

В это утро Сивилла казалась спокойной и рассказывала о письме Стена с обычным отсутствием эмоций. Однако, открыв сумочку, она неожиданно разволновалась. Там оказалась только половинка письма с неровно оторванным краем.

Она его не рвала. Но тогда кто?

Сивилла перерыла сумочку в поисках недостающей половинки. Ее там не было.

Она выложила на колени два других письма, полученных сегодня утром. Они были целыми и лежали именно там, куда она их убрала. Но она помнила, что клала вместе с ними и письмо Стена – тогда оно было целым. Теперь же недостающей половинки письма было не найти. Кто забрал ее? Когда? Где находилась сама Сивилла, когда это произошло? Никаких воспоминаний об этом у нее не осталось.

Эта ужасная вещь, которая происходила время от времени, случилась вновь. Она проникла за Сивиллой сюда, в рай кабинета доктора, эта темная тень, которая преследовала ее везде.

Боязливо, воровато, стараясь скрыть случившееся от доктора, которая сидела в кресле у изголовья кушетки напротив нее, Сивилла подсунула уничтоженное письмо под два других. Но доктор спросила:

– Вы хотите, чтобы я посмотрела это письмо?

Сивилла начала мямлить... а потом ее заикания превратились в нечто иное.

Аккуратная, тихая школьная учительница, чье лицо внезапно исказилось страхом и яростью, вскочила со стула, молниеносно порвала письма, лежавшие у нее на коленях, и выбросила клочки в мусорную корзину. Сжав кулачки, она встала посреди комнаты и высокопарно произнесла:

– Все мужчины одинаковы. Им ваще нельзя верить. Точно нельзя.

Быстрыми, размашистыми шагами она направилась к двум высоким трехстворчатым окнам. Раздвинула зеленые шторы, вновь сжала свой левый кулачок и застучала им в оконное стекло с криком:

– Выпустите меня! Выпустите меня!

Это была отчаянная мольба – крик преследуемого, попавшего в ловушку, одержимого.

Доктор Уилбур подбежала быстро, но все-таки недостаточно быстро. Прежде чем она оказалась возле пациентки, раздался звон. Кулак с размаху пролетел сквозь стекло.

– Дайте мне осмотреть вашу руку, – потребовала доктор, сжимая запястье пациентки.

Та сжалась от ее прикосновения.

– Я только хочу посмотреть, не поранились ли вы, – мягко объяснила доктор.

Внезапно пациентка замерла и расширившимися от удивления глазами взглянула на доктора Уилбур – впервые с того момента, как вскочила со стула. Жалобным детским голоском, совершенно непохожим на тот голос, который только что обличал мужчин, пациентка спросила:

– Вы не сердитесь из-за окна?

– Конечно нет, – ответила доктор.

– Я ведь важнее, чем это окно? – В голосе звучали любопытство и недоверие.

– Разумеется, – уверила ее доктор. – Окно может починить кто угодно. Я вызову столяра, и он все сделает.

Неожиданно пациентка стала более спокойной. На этот раз, когда доктор взяла ее за руку, она не сопротивлялась.

– Давайте-ка присядем на кушетку, – предложила доктор. – Мне нужно хорошенько осмотреть вашу руку. Дайте я посмотрю, нет ли порезов.

Они отвернулись от окна и пошли к кушетке – мимо сумочки, которая упала на ковер, когда пациентка вскочила, мимо рассыпавшихся бумаг и карандашей, мимо потока ярости, извергнутого из раскрытой сумочки. Но теперь страх и ярость исчезли.

Сивилла всегда садилась за стол на безопасном расстоянии от доктора. На этот раз, однако, она села рядом с доктором и оставила свою руку в ее, даже когда доктор объявила:

– Ни порезов, ни царапин нет.

Но вдруг настроение вновь изменилось.

– Здесь кровь, – сказала пациентка.

– Крови нет. Вы не порезались.

– Кровь на сеновале, – объяснила пациентка. – Томми Эвальд был убит. Я там была.

– Вы там были? – переспросила доктор.

– Да, была. Я тоже была.

– Где был этот сеновал?

– В Уиллоу-Корнерсе.

– Вы жили в Уиллоу-Корнерсе?

– Я там живу, – последовала поправка. – Вааще все знают, что я живу в Уиллоу-Корнерсе.

«Вааще». Сивилла так не разговаривала. Но с другой стороны, Сивилла, которую знала доктор, не сделала бы ни одной из тех вещей, которые произошли с того момента, как она вскочила со стула. Постепенно, по мере того как Сивилла продолжала переживать случившееся на сеновале, доктора охватывало жуткое ощущение нереальности происходящего.

С того момента, как пациентка вскочила со стула, это ощущение присутствовало здесь, беззвучное, но пронизывающее, как уличный шум, проникавший в комнату через разбитое стекло. Чем больше Сивилла говорила, тем сильнее становилось это ощущение.

– Моя подруга Рейчел сидела со мной на сеновале, – рассказывала Сивилла. – Ну и другие ребята. Томми сказал: «Давайте прыгнем вниз, в амбар». Мы прыгнули. Кто-то из

ребят попал в кассу. Там было ружье. Ружье выстрелило. Я пошла назад, а Томми там лежал мертвый, с пулей в сердце. Другие ребята убежали. А мы с Рейчел – нет. Она пошла за доктором Куиннесом. Я осталась с Томми. Доктор Куиннес пришел и велел нам идти домой. Мы не послушались. Мы помогли ему достать ружье и накрыли Томми одеялом. Томми было только десять лет.

– Вы были храбрыми девчушками, – заметила доктор Уилбур.

– Я знаю, что Томми умер, – продолжал детский голос. – Я понимаю. Правда. Я осталась, потому что подумала, что нехорошо оставить Томми лежать мертвым.

– Скажи мне, – попросила доктор, – где ты сейчас находишься?

– Здесь кровь, – последовал ответ. – Я вижу кровь. Кровь и смерть. Я знаю, что такое смерть. Это точно.

– Не думай про кровь, – сказала доктор. – От этого тебе становится грустно.

– А вам не все равно, как я себя чувствую? – Вновь эта смесь любопытства и недоверия.

– Мне совсем не все равно, – ответила доктор.

– Может, вы просто хотите одурачить меня?

– Зачем мне это?

– Многие меня дурачат.

Ощущение, что тебя одурачили. Гнев. Страх. Ощущение, будто поймана в ловушку. Глубокое недоверие к людям. Тоскливая, гнетущая убежденность, что окно – мертвый предмет – важнее, чем она. Эти чувства и оценки, выраженные в течение часа, были симптомами каких-то глубоких внутренних расстройств. И все это вырвалось из терзаемого сознания пациентки, словно из мрачного, мутного колодца.

С того момента, как пациентка рванулась к окну, доктор сознавала, что нехарактерным для нее было не только поведение, но и внешность, манера речи. Она стала выглядеть меньше, словно съежилась. Сивилла всегда держалась очень прямо, поскольку считала себя слишком маленькой и не хотела выглядеть таковой. Но теперь она, похоже, сжималась, вдавливалась в себя.

Голос тоже был совсем иным – детским, непохожим на голос Сивиллы. Однако этот голос маленькой девочки, осуждая мужчин, произносил слова женщины: «Все мужчины одинаковы. Вааще им нельзя верить. Точно нельзя». И это словечко «вааще». Сивилла, образцовая школьная учительница, выражавшаяся грамматически правильно, никогда в жизни не использовала бы такого слова.

У доктора складывалось отчетливое впечатление, что она разговаривает с кем-то гораздо моложе Сивиллы. Но это осуждение мужчин? Тут уверенности не было. Она решила, что пора взять ситуацию в свои руки:

– Кто ты?

– А вы что, не можете отличить? – последовал ответ, сопровождаемый решительным, независимым вскидыванием головы. – Я – Пегги.

Доктор не ответила, и Пегги продолжила:

– Мы не похожи. Вы же видите. Вы отличаете.

Когда доктор спросила ее фамилию, Пегги легко ответила:

– Я зову себя Дорсетт, а иногда – Болдуин. На самом деле я – Пегги Болдуин.

– Расскажи мне что-нибудь о себе, – предложила доктор.

– Ладно, – согласилась Пегги. – Вы хотите послушать, как я рисую? Я люблю рисовать черно-белым. Я рисую углем и карандашом. Я пишу красками мало и не так хорошо, как Сивилла.

Доктор выждала мгновение, а затем продолжила:

– А кто такая Сивилла?

Доктор ждала, и Пегги ответила:

– Сивилла? Ну, это *другая* девочка.

– Понимаю, – ответила доктор. Потом она спросила: – А где ты живешь?

– Я живу с Сивиллой, но мой дом, как я сказала, в Уиллоу-Корнерсе, – ответила Пегги.

– Миссис Дорсетт была твоей матерью? – спросила доктор.

– Нет, нет! – Пегги отстранилась, стараясь прикрыться маленькой подушкой. – Миссис Дорсетт не моя мать!

– Все хорошо, – успокаивающе сказала доктор. – Я просто спросила.

Неожиданно что-то изменилось. Пегги встала с кушетки и пошла через комнату теми же быстрыми размашистыми шагами, которыми раньше она двинулась к окну. Доктор последовала за ней. Но тут Пегги исчезла. На небольшом стуле красного дерева возле стола сидела школьная учительница со Среднего Запада – Сивилла. На этот раз доктор заметила разницу.

– Что делает на полу моя сумочка? – пробормотала Сивилла. Она наклонилась и медленно, тщательно собрала разбросанное по полу содержимое сумочки. – Это сделала я, да? – спросила она, указывая на окно. – Я заплачу за это. Я заплачу за это. Я заплачу. – Наконец она прошептала: – А где письма?

– Вы разорвали их и выбросили в мусорную корзину, – ответила доктор с нарочитым спокойствием.

– Я? – переспросила Сивилла.

– Вы. Давайте обсудим случившееся.

– Да что здесь обсуждать? – подавленно заметила Сивилла. Она разорвала письма и разбила окно, но не знала, когда, как и почему это сделала. Она склонилась к мусорной корзине и поворошила обрывки писем.

– Значит, вы не помните? – мягко спросила доктор.

Сивилла покачала головой. Какой позор! Какой ужас!

Теперь доктор знает об этой страшной безымянной вещи.

– Вам доводилось раньше разбивать стекла? – тихо спросила доктор Уилбур.

– Да, – ответила Сивилла, наклонив голову.

– Значит, этот случай не отличается от тех, что вы переживали раньше?

– Не совсем.

– Не пугайтесь, – успокоила доктор. – Вы пребывали в измененном состоянии сознания. У вас было то, что мы называем *фуга*. Фугой, или бегством, называют особое состояние расщепления личности, характеризующееся амнезией и реальным физическим уходом из предыдущей обстановки.

– Вы не осуждаете меня? – спросила Сивилла.

– Нет, не осуждаю, – ответила доктор. – Здесь не может быть места осуждению. Нам нужно поговорить об этом поподробнее. И сделаем мы это в пятницу.

Их час закончился. Сивилла, полностью контролируя себя, встала. Доктор проводила ее до двери и сказала:

– Не тревожьтесь. Это лечится.

Сивилла вышла.

«Итак, что мы имеем? – спросила себя доктор, рухнув в кресло. – Видимо, у нее более чем одна личность. Раздвоение личности? Сивилла и Пегги, совершенно непохожие друг на друга. Это, пожалуй, совершенно ясно. Нужно рассказать ей об этом в пятницу».

Доктор задумалась о следующем посещении мисс Дорсетт. Или двух мисс Дорсетт? Она (они) приходит (приходят) в последнее время три раза в неделю из-за рождественских каникул. Да, Сивилле лучше будет продолжать приходить так же часто. Случай оказался сложнее, чем выглядел поначалу. Мисс Дорсетт вернется в пятницу. Которая?

5. Пегги Лу Болдуин

Это была Сивилла. Сивилла спокойная, Сивилла собранная.

– Я должна извиниться перед вами за то, что не явилась на наш сеанс в среду, – начала она утром 23 декабря 1954 года. – Я...

– Вы приходили в среду, – ответила доктор Уилбур, умышленно прервав ее. – Но вы находились в состоянии фуги и не помните об этом.

Используя «состояние фуги» как некие рамки, доктор собиралась рассказать Сивилле о том, что во время таких состояний она как бы исчезает и на ее месте появляется некто по имени Пегги. Но Сивилла, умело сменив предмет разговора, не дала доктору воспользоваться этой возможностью.

– Я рада, – сказала она, – что не подвела вас. А теперь я должна кое-что рассказать вам. Мне действительно нужно снять камень с сердца. Можно, я расскажу вам прямо сейчас?

Это «важное» откровение состояло всего-навсего в следующем:

– Вы, должно быть, слышали сегодня утром выступление Клингера. Этот человек совершенно не понимает современной живописи. Он постоянно разочаровывает тех из нас, кто в нее верит.

Сивилла столь эффективно использовала тактику уклонений, что их час окончился, а доктор так и не рассказала ей про Пегги. Такой возможности не представилось и во время их следующего сеанса. Когда доктор вышла в фойе, чтобы встретить пациентку, оказалось, что ее поджидает Пегги. Доктор без труда узнала ее. Без шляпы, без перчаток, Пегги разглядывала два увеличенных снимка островных пейзажей, которые доктор сфотографировала в Пуэрто-Рико и на Виргинских островах, – эти фотографии Сивилла рассматривала во время своего первого визита.

– Заходи, Пегги, – пригласила доктор.

И Пегги, явно довольная тем, что доктор сумела отличить ее от Сивиллы, вошла быстрыми уверенными шагами.

Спокойная, склонная к сотрудничеству, Пегги была более чем готова рассказывать о себе.

– В тот день я мало вам наболтала, – сказала она. – Я тогда сердилась. И было на что. – Оглянувшись на дверь, она заговорщическим тоном сообщила: – Знаете, Стен прислал нам письмо типа «Дорогой Джон». Только там «Дорогая Сивилла». Хотите узнать, что он написал? Он написал: «Я думаю, нам следует прервать нашу дружбу – во всяком случае, на некоторое время». Вот что он написал. Я прямо обезумела, разорвала его письмо и выбросила в урну на углу Лексингтон-авеню и Шестидесят пятой улицы по пути сюда. Да, я выбросила это письмо. Только это было не целое письмо. Я думала, что целое. Но вы здесь видели вторую половинку. Ну, я и разозлилась. А кто бы не разозлился?

Пегги сделала паузу, встала с кушетки, немножко походила и, проказливо поблескивая глазами, сказала скорее утвердительно, чем вопросительно:

– А вы хотите знать, кто бы не разозлился? Ну так я вам скажу. Правильный ответ – Сивилла. Она не умеет постоять за себя. Мне приходится заступаться за нее. Она не умеет сердиться, потому что ее мать не позволяет ей сердиться. Я знаю, что гневаться грешно, но люди все-таки сердятся. Ничего нет плохого в том, чтобы сердиться, если хочется.

Вернувшись на кушетку и усевшись поближе к доктору, Пегги спросила:

– А хотите узнать еще кое-что про Сивиллу? Она напуганная. Она вааще все время напуганная. Я от нее устала. Она сдается, но я – никогда.

– Пегги, – спросила доктор, – а вы с Сивиллой внешне похожи?

– Все нет, – оскорбленно заявила Пегги, встала с кушетки и начала расхаживать по кабинету. – Мы совсем разные. Вы же видите, какие у меня волосы. И форма лица.

Доктор Уилбур не видела особой разницы. Хотя Пегги и в самом деле выглядела моложе Сивиллы, разговаривала и вела себя иначе, но ее волосы, формы лица и тела были теми же самыми. Она полностью владела своим телом, но по опыту прошлой недели доктор знала, что в любой момент Пегги может превратиться в Сивиллу. На этот раз Пегги оставалась с ней весь час.

Когда доктор стала слишком настойчивой, Пегги заметила с ноткой раздражения:

– Слушайте, вы задаете чересчур много вопросов.

А когда доктор попыталась поискать нить, связывающую Пегги и Сивиллу, Пегги загадочно ответила:

– Ох, оставьте меня в покое. Есть вещи, которые я не могу рассказать вам. Вообще не могу. Это как гвардейцы вокруг дворца. Им нельзя улыбаться. Они на посту. – Затем, улыбнувшись, Пегги добавила: – Я думаю, они все-таки заулыбались бы, если пощекотать их перышком. А я – нет. Я не улыбаюсь и не разговариваю, если мне не хочется. И никто меня не заставит.

Когда настало время расставаться, Пегги, вставая с кушетки, любезно сказала:

– Вы знаете, мы ведь встречались раньше.

– На прошлой неделе, – подтвердила доктор. – Здесь.

– Нет, – возразила Пегги. – Мы познакомились в Омахе. У окна. Так же, как встретились здесь. Я рассказывала вам про себя в Омахе, но вы меня не узнали. Я сказала вам, что я Пегги, а вы подумали, что это прозвище Сивиллы.

Когда Пегги ушла, в голове у доктора родилось множество вопросов. Пегги рассердилась на то, что Стен послал Сивилле письмо, извещающее ее о разрыве отношений. Значит ли это, размышляла доктор, что, хотя Сивилла не знает о существовании Пегги, они тесно связаны друг с другом и что Пегги несет на себе эмоциональный груз переживаний Сивиллы?

Пегги заявила, что Сивилла не умеет сердиться, зато *она* умеет это делать. Была ли Пегги защитной реакцией Сивиллы от собственного гнева? Была ли ярость, с которой кулак Пегги бил оконное стекло, воплощением того, что подавляла в себе Сивилла? Доктор понимала, что ей придется узнать гораздо больше до того, как она сможет убедиться в правильности этой гипотезы. Возможно, она перегружает себя интуитивными догадками. Так или иначе, в ее сознании настойчиво и требовательно всплывали вопросы.

Неожиданно представив себе Пегги, одиноко идущую по улицам, доктор Уилбур почувствовала тревогу. Пегги, личность уверенная в себе, должна бы суметь позаботиться о себе. Однако когда она сказала: «Мать Сивиллы не позволяет ей» – так, будто мать все еще жива, она ясно продемонстрировала, как и во время предыдущего визита, что не отличает прошлое от настоящего. К тому же Пегги молода. Как она ориентируется на улицах Нью-Йорка? Доктор Уилбур надеялась, что девушка доберется домой невредимой. Домой? Это был дом Сивиллы.

Пегги Болдуин, она же иногда Дорсетт, покинув офис доктора, и не собиралась возвращаться в общежитие.

– Я хочу куда-нибудь отправиться, – бормотала она вполголоса, выходя через парадную дверь здания на Парк-авеню. – Я хочу делать то, что мне хочется.

Широкая улица с островками рождественских елок, на которых искрились остатки снега, сверкающие лимузины, привратники с такими яркими, блестящими на солнце пуговицами – все это завораживало ее. Все это так отличалось от Уиллоу-Корнерса. Пегги

поспешно поправила себя: ей следует признать, что теперь она живет в этом чудесном городе вместе с Сивиллой. Но вот *дом* ее – в Уиллоу-Корнерсе.

«Интересно, каково живется людям в этих чудесных домах?» – размышляла Пегги. Сивилла собиралась в один прекрасный день стать кем-то. Когда ей это удастся, она сможет позволить себе иметь дом с привратником, у которого блестящие пуговицы. Пегги хотелось быть похожей на всех этих важных людей, делать множество разных вещей в разных местах.

Она решила немного прогуляться, поглядеть, поприсматриваться, прочувствовать окружение. Существовало столько вещей, о которых хотелось узнать. Вот почему она всегда и прислушивалась, стараясь уловить своими ушами все происходящее. Она частенько посещала самые разные места просто ради того, чтобы узнать, что там происходит.

Направляясь в сторону Мэдисон-авеню, Пегги смотрела на витрины магазинов, мимо которых проходила, – витрины с собольими палантинами, с чудесными трикотажными костюмами, с нежно-розовыми ночными рубашками, с черными свитерами джерси над красными и белыми хлопчатобумажными юбками, перехваченными черными вельветовыми поясами. Она обожала красивые вещи, но не решалась купить что-нибудь в таких дорогих заведениях. Она просто смотрела.

Бар на Западной 44-й, мимо которого она прошла, был еще одним местом, куда Пегги не решалась заходить. Но она могла смотреть на находившихся в нем людей, делавших в этот день после Рождества то, что, как ей было известно, никто не делал в Уиллоу-Корнерсе.

Оттуда вышли двое мужчин. Один уставился на нее и спросил:

– А как насчет этого?

«Насчет *чего?*» – удивилась Пегги, сурово глядя на него. Мужчина рассмеялся. Смех обидел ее. Когда люди смеялись, Пегги была уверена, что они смеются над ней. Она быстро пошла прочь, но успела услышать замечание, которое бросил этот мужчина своему приятелю:

– Очень независимая, а?

«Да, очень независимая», – твердила Пегги, мчавшаяся, обгоняя собственный гнев. Чертовски независимая. Она не собирается что-то от кого-то принимать. Она умеет постоять за себя.

Забыв об инциденте, она пошла медленней и в конце концов оказалась в большом универмаге. Пройдя по широкой лестнице наверх, она попала на какую-то железнодорожную станцию, как можно было судить по вывеске – на Пенсильванский вокзал. «Ого, – подумала Пегги, – да я могу отправиться куда угодно». На вокзале она нашла место, где можно было перекусить. Она любила поесть.

Закончив ланч, Пегги оказалась у книжного киоска, рассматривая какой-то роман про врачей. Ей лично не очень нравились все эти истории про врачей, но Сивилла их любила.

Сивилла. Как могла эта милая рыжеволосая дама перепутать ее с Сивиллой? Неужели ей не ясно, что Пегги и Сивилла – не одно и то же? Неожиданно Пегги рассмеялась вслух. Люди обернулись в ее сторону.

Люди. Она могла расплакаться, начав думать обо всех этих людях. Иногда, размышляя о людях, она ощущала себя потерянной и одинокой. Слишком много было неприятных людей, а неприятные люди сердили ее. Она знала, что сердиться нехорошо, но многое приводило ее в гнев. Гнев ее был пурпурным и фиолетовым.

Этот длинный барьер заставлял ее чувствовать себя маленькой. Пегги прошла через турникет, преодолела длинный коридор и вышла к месту, где продавали билеты. Она шагнула к окошечку. Женщина за окошечком выглядела неприятно. Пегги уверенно сказала:

– Я не обязана покупать у вас билет!

Нехорошо было так безумно сердиться, но она все-таки это допустила.

– Билет, пожалуйста, – попросила она, подойдя к другому окошечку.

– До Элизабет? – спросила эта другая дама.

Пегги кивнула в знак согласия. Почему бы и нет? Она видела, что множество людей ждет, когда дадут сигнал проходить. Ей хотелось первой пройти через ворота, но хотя она спешила, в очереди оказалась только пятой.

В следующий момент она обнаружила, что сидит в ресторане возле железнодорожной станции и заказывает горячий шоколад. Когда она спросила официанта, не в Элизабет ли она находится, тот странно взглянул на нее и сказал: «Ну конечно». Забавно, но она не знала, каким образом попала сюда. Последним ее воспоминанием было то, как она проходит через ворота на Пенсильванском вокзале. Наверно, предположила она, на поезде ехала Сивилла или кто-нибудь из этих других. «Какая разница! – подумала Пегги. – Я купила билет до Элизабет, и вот я здесь».

Она озираясь шла по улице, на которой находился ресторан. Это место было не слишком интересным, но она должна была что-то сделать. Окружение было незнакомым для нее. Заметив автомобильную стоянку, Пегги быстро направилась к ней. Пройдя не слишком далеко, она вдруг почувствовала неожиданную радость узнавания, увидев автомобиль отца.

Вот оно! Она нашла что-то знакомое – автомобиль своего отца.

Пегги подошла к машине и попыталась открыть дверцы. Все дверцы были заперты. Она подергала вновь, но, как ни старалась, они не желали открываться. Пегги почувствовала себя запертой в ловушке – пусть не внутри, а снаружи. Она знала, что случается и так и этак.

Гнев, пурпурный и фиолетовый, клубился в ней. Его быстрые, острые, тяжелые пульсации пронизывали все тело. Почти не сознавая, что делает, она схватила сумочку и ударила металлической рамкой в слегка приоткрытое окно. После нескольких ударов раздался звон бьющегося стекла. Пегги обожала звук бьющегося стекла.

Мужчина в коричневом костюме остановился возле нее.

– Что вы делаете? Потеряли ключи? – спросил он.

– Это автомобиль моего папы, – ответила она.

Прежде чем мужчина в коричневом смог ответить, другой мужчина, в сером костюме, очутившийся здесь же, рявкнул:

– Ничего подобного. Это моя машина.

Пегги здорово не понравился этот мужчина в сером. И он не имел никакого права разговаривать с ней так.

– Это автомобиль моего папы, – возразила она, – что бы вы ни говорили.

– Кто он такой? – спросил первый мужчина.

– Уиллард Дорсетт, – гордо ответила Пегги.

Мужчина в сером сунул руку в карман, достал бумажник и продемонстрировал регистрационную карточку автомобиля.

– Видишь, сестренка, эти номера совпадают с номером автомобиля, – ухмыльнулся он.

Высоко подняв голову, со сверкающими глазами Пегги пошла прочь, чтобы рассказать отцу о случившемся. Она найдет его, и он все уладит. Но мужчина, утверждавший, что является владельцем машины, громко и грубо заорал:

– Эй, ну-ка вернись. Никуда ты не пойдешь!

Пегги не хотелось оставаться наедине с этими мужчинами. Они были грубыми и некрасивыми и вызывали у нее страх. Пегги опасалась, что они задержат ее, если она попытается улизнуть, и все-таки попыталась бежать, но автовладелец схватил ее за руку.

– Уберите от меня руки, – предупредила Пегги. – Я вас щас уделаю.

Она стала вырываться. Владелец автомобиля положил ей на плечо свободную руку и сказал:

– Остынь, сестренка, остынь-ка.

Пегги почувствовала себя отверженной, окруженной чужаками, от которых можно ожидать только недоверия, оскорблений, враждебности.

– Так вот, сестренка, – продолжал владелец автомобиля, – ты разбила это стекло. Замена его обойдется мне в двадцать долларов. Ты собираешься платить за него?

– С чего бы? Это автомобиль моего отца, – ответила Пегги.

– Да кто ты такая? – спросил владелец автомобиля. – Дай-ка посмотреть твои документы.

– Не дам, – возразила Пегги. – Не дам. И ни вы, ни кто-нибудь другой не заставят меня. Владелец автомобиля, раздраженный ее отказом, вырвал у нее сумочку.

– Верните ее! – завопила Пегги. – Верните сию же минуту!

Он достал из сумочки удостоверение личности и вернул ей сумочку.

– Сивилла И. Дорсетт, – прочитал он вслух. – Это твое имя?

– Нет, – ответила Пегги.

– А что ты с ним разгуливаешь? – пробурчал он.

Пегги не отвечала. Ясное дело, она не собиралась рассказывать ему про ту, *другую* девушку.

– Давай мне двадцать долларов, – потребовал он. – Черт побери, заплати мне деньги, подпиши эту бумажку, и мы тебя отпустим.

Пегги пришла в ярость. Когда владелец автомобиля еще раз потребовал двадцать долларов, ткнув в ее сторону пальцем, она изо всех сил укусила его за этот палец.

– Черт возьми, – зашипел он от злобы, – ты, Сивилла Дорсетт, даешь мне деньги, и мы тебя отпускаем. Ну?

– Я не Сивилла Дорсетт, – холодно ответила Пегги.

Мужчина изучил фотографию на удостоверении.

– Ничего подобного, это ты, – убежденно сказал он. – А под фотографией твое имя. Ты Сивилла И. Дорсетт.

– Нет, – запротестовала Пегги.

– Тогда кто же ты?

– Я – Пегги Лу Болдуин.

– Псевдоним, – сказал мужчина в коричневом.

– Она говорит, что ее отца зовут Уиллард Дорсетт, – заметил мужчина в сером. – Что-то здесь не так.

– Это уж точно, – согласился мужчина в коричневом.

Пегги пыталась вырваться, но никак не могла. Она понимала, что ее удерживают не только снаружи, но и изнутри. В общем-то, она не двигалась главным образом из-за того, что происходило внутри.

Она вспомнила о том, что не владела собой во время поездки на поезде в этот ужасный городишко, и почувствовала, что и сейчас не владеет ситуацией. Она сознавала, что всем командует Сивилла. Она видела, как Сивилла потянулась к их сумочке, потому что владелец автомобиля повторил:

– Замена стекла обойдется мне в двадцать долларов. Или ты платишь, или я вызываю полицию.

Пегги почувствовала, как Сивилла протягивает этому мерзкому мужчине две хрустящие десятки.

Мужчина записал что-то в большой блокнот.

– Ладно, – сказал он, – распишись здесь.

Пегги услышала, как Сивилла твердо ответила «нет».

Да, сейчас Пегги могла гордиться Сивиллой. «Это непохоже на нее – постоять за нас, – подумала Пегги, – но на этот раз она сумела».

– Если ты не подпишешь бумагу, – бормотал мужчина, – мы тебя не отпустим!

Пегги наблюдала за тем, как Сивилла читает бумагу, но не видела написанного. Просочилось единственное предложение: «Владелец данной машины».

Владелец данной машины? Эти слова испугали Пегги. Они значили, что на самом деле машина не принадлежит ее отцу. Не его машина? Впервые осознав это, Пегги вновь попыталась бежать. Владелец автомобиля схватил ее, сунул в руку шариковую авторучку и потребовал:

– Подпиши здесь.

Затем он ткнул бумагу ей прямо в лицо, сказав:

– Ты разбила стекло моей машины. Ты за него расплатилась. Но не за доставленные неприятности, не за то время, которое я потрачу на ремонт. В общем, ты должна заплатить дополнительные...

– Вы записали мое имя. Вы сказали, что я могу идти. И я уйду, – твердо заявила Пегги. – Но я не понимаю, почему вы хотели, чтобы я здесь расписалась.

– Я так понял, ты утверждаешь, что это не твое имя, – ответил мужчина. – Хватит! Иди!

Пегги пошла пешком обратно на станцию. В поезде по пути домой она думала, как глупо было с их стороны поднимать весь этот шум из-за маленького разбитого стекла.

Почти стемнело, когда Пегги вернулась в небольшую комнатку, которую она делила с Сивиллой, очень похожую на ту, что они занимали в выпускной семестр в колледже. Сумерки, пронизывающие комнату, отбрасывали бледные тени, беспорядочно ложившиеся на потолок, на поверхность стола и кресел.

Пегги скинула туфли и вытянулась на кровати. Потом она вскочила и бросилась к портативному фонографу. Поставить «Холм пересмешников» или «Залив Гэлуэй»? Решившись на «Пересмешников», она начала подпевать мелодии.

Продолжая петь, она подошла к окну и выглянула наружу. Деревья во дворе общежития сверкали, покрытые снегом, который только что начал падать. Пегги перестала петь. Она боялась снега, боялась холода.

Неожиданно ей в голову пришла идея: в комнате отдыха сегодня устраивалась преджудейская вечеринка, и, утомленная всеми этими ужасными вещами, случившимися за день, она решила пойти туда, чтобы развеяться. Пожалуй, можно надеть платье яблочно-зеленого цвета, купленное в китайской лавочке в верхней части Бродвея. Тогда Пегги отправилась туда, чтобы купить дешевенький десятицентовый бумажный зонтик, но, увидев это платье, в ту же секунду поняла, что должна купить его.

Пока пластинка продолжала крутиться, Пегги достала платье из шкафчика, который она насмешливо называла «наша гардеробная». Это платье такое же милое, подумала она, как те, что висят в витринах роскошных магазинов на Мэдисон-авеню. А ее платье – последний крик моды сезона – обошлось ей всего в двенадцать долларов. Оно бы стоило своих денег, даже если бы пришлось заплатить за него тридцать, сорок, пятьдесят, восемьдесят, двести, а может быть, даже и триста долларов. Но Сивилле понадобилось явиться и все испортить. Пегги больше любила Сивиллу, когда та занималась своими делами и не совала нос куда не надо.

Пока Пегги грациозно облачалась в сильно открытое спереди платье, добрые чувства, которые она сегодня днем питала к Сивилле, испарились. Она чувствовала, что Сивилла стоит между ней и ее желаниями, ее нуждами, ее стремлением к самовыражению. Из-за этого платье вновь проснулось дотоле дремавшее в ней недовольство Сивиллой, хранительницей их тела и главой семьи.

Сивилла была фактом жизни Пегги, но временами она была ужасной помехой. Когда Сивилла обнаружила в шкафу это чудесное платье, она среагировала так, словно увидела

что-то вроде привидения: «Как оно попало в *мой* шкаф? Откуда в *моем* кошельке взялась квитанция с распродажи?»

Возможно, хуже всего было то, что она вообще обнаружила это платье. Пегги спрятала его на верхней полке шкафа, куда Сивилла складывала всякий хлам – в общем, все, кроме платьев. Кто бы мог ожидать, что Сивилла туда заглянет?

Интересно, расстраивалась ли Сивилла по поводу денег? Конечно, двенадцать долларов – это не слишком дорого за такое платье. У Сивиллы были деньги. Но, как полагала Пегги, у Сивиллы было на этот счет собственное мнение и она могла пойти и потратить свои деньги на мебель, на причиндалы для живописи и на лекарства – на все то, что Сивилла называла предметами первой необходимости.

«Сивилла постоянно мешает пользоваться вещами, которые я покупаю, – раздраженно подумала Пегги. – То же самое было и с моим голубым костюмом и голубыми туфлями. Два раза за день я их доставала, но оба раза Сивилла засунула их обратно. Да, конечно, она может надоест».

Пегги взглянула на себя в зеркало. Результат был просто потрясающий. Кому угодно понравится такое платье. Может быть, на самом деле Сивилла расстраивалась не из-за платья, а из-за Пегги? Нет, это чепуха. Правда состояла в том (и Пегги была вынуждена признать это), что Сивилла не знает о ее существовании. Не слишком-то это приятно, но так уж получилось.

Какое-нибудь небольшое украшение усилило бы эффект, подумала Пегги, продолжая разглядывать себя в зеркале. Было бы здорово надеть что-нибудь такое, но она знала, что это невозможно. Нехорошо носить драгоценности. Ведь так говорили в церкви? Разве ей не внушали это с тех пор, как она себя помнит? И все равно ей нравились эти милые безделушки. Пегги заколебалась. Здесь было жемчужное ожерелье, принадлежавшее когда-то матери Сивиллы. Нет, его она не наденет. Она не любила мать Сивиллы, и надеть этот жемчуг было бы вдвойне нехорошо.

Пегги никак не могла оторваться от зеркала. Ширококостное телосложение делало ее на вид коренастой, отчего она не была в восторге. Зато ей нравилась новая голландская стрижка, нравились прямые темные волосы, челка, округлое лицо, курносый нос, яркие синие глаза и – да, это следовало признать – озорная улыбка. Боже мой, раньше ей это и в голову не приходило, но она действительно выглядит как фея. Сивилла с ее худым стройным телом, с распущенными каштановыми волосами, с лицом сердечком, сероглазая и вечно серьезная, выглядела совсем по-другому. Как милый доктор могла этого не заметить? Как мог этот мужчина в Элизабет, разглядывавший фотографию Сивиллы, не заметить этого? Почему люди вечно путают ее с Сивиллой?

Неожиданно Пегги быстро отошла от зеркала. Ее заставил сделать это вид собственных губ. Большие и полные. Такие губы бывают у негров. Пегги боялась своих губ. Она начала думать о себе как о негритянке. Она боялась негров, боялась того, как к ним относятся другие, боялась того, как относятся к ней. Она забрала сумочку и покинула комнату.

Выбежав во двор общежития, где снег падал на ее непокрытую голову и таял у нее на носу, Пегги устремилась прочь от своих страхов. Как бы для того, чтобы отогнать их, она вновь начала напевать «Холм пересмешников».

Когда она вошла в комнату отдыха, там уже было полно народу. Студенты, собравшись группками, болтали обо всем на свете. Были расставлены карточные столики и стол для пинг-понга. Сивилла не играла ни в карты, ни в пинг-понг, но Пегги – играла. У Пегги была хорошая реакция.

Пегги посмотрела на парней. Почти любой из них был лучше, чем Стен. Но интересовалась ли ими Сивилла? Вовсе нет. Стен не разбил сердце Сивиллы; она просто не была

настолько впечатлительной. Сердце Пегги тоже не было разбито – вот уж нет. Пегги хотелось, чтобы Сивилла подобрала себе какого-нибудь парня, который нравился бы им обоим.

Длинный стол для закусок, накрытый красивой белой кружевной скатертью, с двумя большими медными самоварами (один с кофе, а другой с чаем), напомнил Пегги о том, что она за весь день всего лишь перекусила в Элизабет. Она знала, что по религиозным соображениям ей нельзя пить кофе или чай, но маленькие сэндвичи и хрустящее печенье выглядели очень соблазнительно. Едва она успела надкусить сэндвич, как послышался голос с отчетливым средне-западным акцентом:

– Как прошел денек, Сивилла?

– Отлично, – без колебаний ответила Пегги, подняв глаза на Тедди Элино́р Ривз, выглядящую привлекательно, несмотря на ее безразличное отношение к одежде, отсутствие косметики и угловатое телосложение.

Тедди, жившая в соседней комнате, всегда называла ее Сивиллой. Пегги давным-давно решила в случае необходимости откликаться на имя Сивилла. Такой необходимости не было при встрече с теми злыми людьми в Элизабет, но с Тедди, которая крепко подружилась с Сивиллой, совсем другое дело.

– Где ты была весь день? Я уже стала беспокоиться, – продолжала Тедди.

Ростом сто семьдесят пять сантиметров, широкоплечая, широкобедрая, с очень маленьким бюстом, Тедди всегда была доминирующей фигурой и разыгрывала из себя заботливую мамашу. Пегги не понимала, как Сивилла ее выносит. Пегги знала, что Тедди не терпит получить подробнейший отчет о дне, проведенном Сивиллой. Что ж, этот день не принадлежал Сивилле, и Пегги не намеревалась его описывать.

– Рада видеть тебя, Дорсетт, – сказала присоединившаяся к ним Лора Хочкинс. – Ты говорила, что не придешь. Я рада, что ты передумала.

Лора тоже была подругой Сивиллы. И насчет нее у Пегги тоже имелось свое мнение.

Тедди, Лора и еще несколько девушек собрались вокруг Дорсетт, обсуждая профессора Кли́нгера. Дорсетт тут же достала из сумочки мелок для рисования, указала им на стену и начала аффектированным тоном:

– Итак, леди и джентльмены, вы должны слушать меня внимательно, если вообще собираетесь слушать. Живопись принадлежит к величайшим традициям культурного наследия человечества. И если вы не будете уделять ей бе-е-езраздельное внимание, вы оскорбите ее Музу.

Девушки начали хихикать. Пегги, проковыряв две дыры в бумажной салфетке, смастерила из нее подобие очков и надела их на кончик носа. Скосив глаза, она продолжила:

– Скульптура, по-видимому, является старейшим из изобразительных искусств. Как вам известно из иных предметов, с технической точки зрения ее можно проследить до первобытного доисторического человека, заострявшего кончик стрелы, вытесывавшего дубину, изготавливавшего копье. Кроме того, как вы знаете, относительная физическая стойкость камня, обожженной глины или металла является, вне всяких сомнений, важным фактором, позволяющим нам судить о скульптуре и о надписях на камнях и глиняных табличках как свидетельствах истории. Тем не менее в конце концов иные способы ведения записей подорвали ведущую роль скульптуры и сделали различные виды живописи, по крайней мере на Западе, искусством наиболее широко используемым и популярным. Именно поэтому я хотел бы, чтобы вы сосредоточились на живописи, считая ее важнейшим для вас в мире предметом. Наверное, это так. Но я имею в виду живопись Рубенса, Рембрандта, других мастеров. Я не имею в виду глупые выходки Пикассо и других наших современников. Это дети-и-ишки, барахтающиеся в колыбельке и пускающие пузыри, в которых нет ничего ценного. То, что они называют экспериментами, есть оправдание их собственной пуста-а-аты. Простите,

мисс Дорсетт, ведь вы серьезная женщина с большим талантом, зачем вам нужно писать в этой глу-у-упой манере?

Хихиканье Лоры Хочкинс перешло в безудержный смех. Тедди фыркала.

Пегги продолжала, собрав вокруг себя толпу. То, что началось как маленькое представление для двоих, превратилось во всеобщее шоу. Ее пародия на профессора Клингера стала событием вечера. Под всеобщие аплодисменты Пегги с преувеличенной осторожностью сняла свои бумажные очки, вложила мелок в сумочку, низко раскланялась и торжественно удалилась из комнаты.

Совсем другой предстала Пегги перед доктором Уилбур спустя два дня, в Рождество: Пегги, которая помалкивала о поездке в Элизабет и о своем триумфе на вечеринке, Пегги, которая тихим шепотом вновь и вновь повторяла:

– Эти люди, эти люди, эти люди...

– Какие люди? – спросила доктор Уилбур, сидевшая возле Пегги на кушетке.

– Люди? Да, люди, – рассеянно ответила Пегги. – Они меня ждут.

– Как их зовут?

– Стекло, – сказала Пегги, игнорируя вопрос. – Я вижу стекло. Я собираюсь разбить это стекло и убежать. Я собираюсь убежать отсюда! Я не хочу оставаться. Не хочу. Не хочу!

– Убежать от чего? – спросила доктор Уилбур.

– От боли. Болит, – прошептала Пегги. Она начала всхлипывать.

– Что болит?

– Болит. Болит. Болит голова. Болит горло.

Полились слова жалоб. Потом последовало гневное обвинение:

– Вы не хотите, чтобы я убежала. – Становясь враждебной, Пегги предупредила: – Я разобью стекло и убегу, если вы не хотите меня отпустить.

– А почему бы тебе не выйти через дверь? Иди, открой ее.

– Я не могу! – вскрикнула Пегги. Она встала с кушетки и стала метаться, словно попавший в западню зверь.

– Ты можешь это сделать, – настаивала доктор. – Она перед тобой. Иди и открой ее!

– Я хочу выбраться! Я хочу выбраться! – продолжала Пегги с нарастающим страхом.

– Очень хорошо. Просто поверни ручку и открой дверь.

– Нет, я останусь здесь, возле белого дома с черными ставнями, с крыльцом и гаражом. – Неожиданно Пегги успокоилась и добавила: – В этом гараже стоит автомобиль моего папы.

– Где ты находишься? В Уиллоу-Корнерсе? – спросила доктор.

– Я не скажу! Не скажу! – зачастила Пегги.

– А доктору Уилбур ты могла бы рассказать?

– Да.

– Значит, ей ты расскажешь?

– Да.

– Тогда говори, рассказывай доктору Уилбур.

– Доктор Уилбур ушла, – неуверенно ответила Пегги.

– Доктор Уилбур здесь.

– Нет, она ушла и бросила нас в Омахе, – возразила Пегги. – Вы не доктор Уилбур. Разве вы сами не знаете? Я должна найти ее. – Покой испарился, и вновь вернулась истерия. Пегги взмолилась: – Выпустите меня!

Эти мольбы, похоже, не имели никакого отношения к конкретному посещению и к конкретному моменту. Эти мольбы шли из прошлого, которое для Пегги было настоящим. Из прошлого, которое дотянулось до нее, окружило ее и цепко держало.

- Открой дверь, – твердо сказала доктор.
- Я не могу пройти через дверь. Я никогда через нее не пройду. Никогда.
- Она заперта?
- Я не могу пройти через нее. – Это было хныканье обиженного ребенка. – Мне нужно выйти отсюда.
- Откуда, Пегги?
- Оттуда, где я сейчас. Мне не нравятся эти люди, эти места и вообще все. Я хочу выйти.
- Какие люди? Какие места?
- Эти люди и эта музыка. – Пегги задыхалась. – Эти люди и эта музыка. Музыка все крутится, крутится и крутится. Вы же видите этих людей. Мне не нравятся эти люди, эти места и вообще все. Я хочу выйти. Ой, выпустите меня! Пожалуйста! Пожалуйста!
- Поверни ручку и открой дверь.
- Не могу. – Ярость Пегги вдруг переключилась на доктора: – Как вы не понимаете?
- Может быть, все-таки попробуешь? Ты ведь даже не пыталась. Почему бы тебе не повернуть ручку и не открыть дверь? – настаивала доктор.
- Это не дверная ручка, и она не повернется. Вы что, не видите?
- А ты попробуй.
- Пробовать без толку. – Последовало мгновенное расслабление, но это было расслабление отчаяния, смирения перед судьбой. – Они не дадут мне ничего сделать. Они думают, что я ни на что не способна, что я смешная и руки у меня смешные. Никто меня не любит.
- Я тебя люблю, Пегги.
- Ой, они не дадут мне ничего сделать. Больно. Очень больно, – всхлипывала Пегги. – Этим людям все равно.
- Доктору Уилбур не все равно. Она расспрашивает тебя обо всем.
- Всем все равно, – безнадежно ответила Пегги. – И эти руки ранят.
- Твои руки?
- Нет, другие руки. Руки налезают. Руки, которые ранят!
- Чьи руки?
- Не скажу. – Опять этот детский тон. – Я никому не обязана рассказывать, если не хочу.
- Что еще ранит?
- Музыка ранит. – Пегги снова говорила тихим задыхающимся шепотом. – Люди и музыка.
- Какая музыка? Почему?
- Я не скажу.
- Доктор Уилбур осторожно обняла Пегги за плечи и помогла ей сесть на кушетку. Тронутая этим, Пегги тихо пожаловалась:
- Понимаете, всем все равно. И ни с кем нельзя поговорить. Ты вроде как неприкаанная. – Наступило молчание. Затем Пегги сказала: – Я вижу деревья, дом, школу. Я вижу гараж. Я хочу войти в него. Тогда все будет в порядке. Тогда будет не так больно. Боль будет не такой сильной.
- Почему?
- Больно, когда ты недостаточно хорош.
- А почему ты недостаточно хороша? Расскажи доктору Уилбур побольше о том, почему бывает больно и что это значит.
- Меня никто не любит. А я хочу, чтобы кто-нибудь хоть немножко заботился обо мне. Нельзя любить кого-нибудь, когда всем все равно.
- Продолжай. Расскажи доктору Уилбур, в чем там сложности.

– Я хочу кого-нибудь любить и хочу, чтобы кто-нибудь любил меня. Но никто не хочет. Вот почему больно. В этом вся и разница. А когда всем все равно, от этого начинаешь беситься, хочется говорить всякие вещи, рвать все, бить, лезть сквозь стекло.

Неожиданно Пегги умолкла и исчезла. На том месте, где она сидела, теперь находилась Сивилла.

– У меня вновь была fuga? – спросила Сивилла, быстро отстраняясь от доктора. Она была испугана и встревожена.

Доктор кивнула.

– Ну, вроде бы все обошлось лучше, чем в прошлый раз, – успокоила себя Сивилла, осмотрев помещение и увидев, что никакого беспорядка нет.

– Как-то раз вы говорили мне о музыке, Сивилла, – сказала доктор, пытаясь выяснить, знает ли Сивилла о том, что говорила Пегги. – Расскажите мне об этом немножко побольше.

– Что ж, – сдержанно ответила Сивилла, – я брала уроки фортепьяно, и миссис Мур, моя учительница, частенько говорила: «У тебя врожденные способности. Хороший слух, хорошие руки, хорошее туше. Но тебе нужно побольше заниматься. Все это у тебя получается и без практики. А что получилось бы, если бы ты хорошенько занималась?» Но я не занималась. И не рассказывала ей о том, что не занимаюсь, потому что мама постоянно критикует меня. Всякий раз, когда во время занятий я делала ошибку, мама вскрикивала: «Так неправильно. Неправильно!» Я не могла этого вынести, поэтому не занималась, когда мама была где-то поблизости. Но как только она выходила из дома, я бросала все дела и садилась за пианино. У меня всегда все получалось за пианино. Если бы не получалось, меня бы прикончило внутреннее напряжение. Когда я стала зарабатывать, то первым делом купила себе пианино.

– Ага, – поддакнула доктор Уилбур. – Скажите, а у вас есть какое-то особое отношение к стеклу?

– К стеклу... – задумчиво повторила Сивилла. – У матери были чудесные вещицы из хрусталя. И у бабушки тоже. Точнее, у обеих бабушек. У бабушки Дорсетт и у бабушки Андерсон. Да, я кое-что вспомнила. Когда мне было лет шесть, мы ездили в гости к Андерсонам в Элдервилль, штат Иллинойс. Мы ездили туда каждое лето на три недели, пока не умерла бабушка Андерсон. Так вот, как-то раз мы вместе с кузиной Лулу вытирали посуду, и она швырнула в окно чудное хрустальное блюдо для пикулей. Она была настоящим отродьем. А потом сказала бабушке, моей маме и всем остальным, что это сделала я, что это я разбила хрустальное блюдо. Это была неправда. Но я ничего не сказала, просто смолчала. Мама не заступилась за меня, ну да ладно.

– Понимаю, – сказала доктор Уилбур. – Теперь скажите мне, не беспокоят ли вас руки.

– Руки? Думаю, не особенно. Руки у меня небольшие, худые. Мама считала их не слишком привлекательными. Она часто говорила об этом.

– А когда-нибудь руки тянулись к вам? Чьи-то чужие руки?

– Руки? Тянулись? Не понимаю, что вы имеете в виду.

Было заметно, что чувство дискомфорта у Сивиллы резко усилилось.

– Ясно, – сказала доктор. – Еще один вопрос: нервирует ли вас вид крови?

– Пожалуй, да. Но ведь он всех нервирует, верно? У бабушки Дорсетт был рак гортани с кровотечениями. Я это видела. А когда у меня начались менструации, я, как большинство девушек, нервничала из-за крови. Думаю, в этом нет ничего исключительного.

– А скажите, в детстве вам не доводилось видеть кровь при каких-то других обстоятельствах? Может быть, кровь кого-нибудь из товарищей по играм?

Слегка откинувшись, Сивилла задумалась.

– Так, давайте подумать... Томми Эвальд... У его отца был амбар, и он держал лошадей. Томми был любимым ребенком. Он погиб на сеновале. Мы играли, и произошел несчастный

случай – выстрелило ружье. Это все, что я запомнила. Наверное, там на чердаке была и кровь. Я не вспоминала о Томми много лет.

К февралю 1955 года доктор была готова рассказать Сивилле о Пегги, которая помнила то, что забыла Сивилла. Не было причины тянуть с этим. Но пока она говорила, подбирая слова, лицо Сивиллы стало бледнеть, зрачки расширились больше, чем обычно, и она спросила сдавленным, неестественным голосом:

– Откуда вы все это знаете?

Готовясь рассказать ей о ее втором «я», доктор почувствовала, что Сивилла претворяется в это самое «я».

– Привет, – сказала Пегги.

– Привет, дорогая, – откликнулась доктор.

– Я щас выйду, – сообщила Пегги доктору. – Прямо через дверь. Доктор Уилбур давным-давно сказала, что я могу это сделать.

И Пегги прошла через дверь, которая всего несколько минут назад оставалась непроходимой, была осязаемым символом ее плененности.

Доктор Уилбур, считая, что диагноз раздвоения личности подтвердился вне всяких сомнений, постоянно думала об этом необычном случае. Пегги и Сивилла, сосуществуя в одном теле, имели разные воспоминания, разные характеры, разный тип переживаний, по-разному относились к жизни. Общие для обеих переживания они ощущали по-разному. Их голоса, произношение, словарный запас были разными. И сами себя они представляли по-разному. Даже возраст у них был разный: Сивилле исполнился тридцать один год, а Пегги... Доктор не могла решить, является ли Пегги преждевременно развившимся ребенком или инфантильным взрослым. Подобно маленьким детям, Пегги была лишена застенчивости и редко смущалась. Вместо этого она впадала в раж. В отличие от Сивиллы, скрывавшей свои чувства, она открыто проявляла свой страх. И несомненно, Пегги несла на себе какое-то страшное бремя, наличие которого Сивилла отказывалась признавать.

В голове у доктора Уилбур роились настойчивые, но неопределенные мысли. Она никогда не имела дела с раздвоением личности. Нужно отнестись к этому расстройству как ко всякому иному. Прежде всего следует добраться до его корней и, отталкиваясь от этого, работать.

Первоочередная проблема состояла в том, чтобы рассказать Сивилле о диагнозе – задача более сложная, чем поначалу казалось доктору. Каждый раз, когда возникала ситуация, с которой Сивилла не могла справиться, она как бы передавала эстафету Пегги. Рассказывать Сивилле о Пегги значило провоцировать диссоциацию, которая возвращала Пегги к существованию.

Применяемая Сивиллой тактика уклонения оказалась настолько эффективной, что проблема оставалась нерешенной до марта 1955 года, когда произошло событие, заставившее доктора Уилбур изменить диагноз и порадоваться тому, что она не успела сообщить Сивилле о диагнозе предыдущем.

6. Виктория Антуанетта Шарло

Шестнадцатое марта 1955 года. Доктор Уилбур выкроила минутку между сеансами, чтобы заменить распутившиеся веточки вербы только что купленными весенними цветами – анемонами и нарциссами. Затем, размышляя о том, кто сегодня явится, Сивилла или Пегги, она открыла дверь в приемную.

Спокойно сидевшая пациентка была поглощена изучением газеты «Ньюйоркер». Заметив доктора, она сразу встала, улыбнулась, подошла и любезно произнесла:

– Доброе утро, доктор Уилбур.

«Это не Пегги, – подумала доктор. – Пегги никогда не сидит спокойно. Пегги не читает. У Пегги нет такого ясного хорошего произношения. Должно быть, это Сивилла. Но никогда раньше Сивилла не обращалась ко мне с приветствием первой. Никогда у нее не было такой непринужденной улыбки».

– Как у вас дела сегодня? – спросила доктор.

– У меня – прекрасно, – последовал ответ. – Но не у Сивиллы. Она так плохо чувствует себя, что не смогла прийти. Поэтому вместо нее пришла я.

На мгновение доктор онемела. Но только на мгновение. Это странное использование местоимений «она» и «я» лишь подтверждало давно появившееся подозрение. «Я удивлена, – думала доктор Уилбур, – но следует ли удивляться?» В случае с Кристин Бошан, которую лечил доктор Мортон Принс и о которой он писал, речь шла более чем о двух личностях. Впрочем, в свое время доктор Принс тоже был удивлен. Точнее говоря, он был поражен, обнаружив более чем одну личность. Видимо, поначалу это поражает любого врача, размышляла доктор Уилбур.

Все эти мысли с невероятной скоростью промелькнули в сознании доктора Уилбур, в то время как это новое «я» продолжало:

– Я должна извиниться за Сивиллу. Она хотела прийти, но не смогла одеться, хотя сделала несколько попыток. Я видела, как вчера вечером она достала темно-синюю юбку и свитер, чтобы надеть их сегодня утром. Вчера вечером она твердо намеревалась явиться, но с утра дела обстояли по-иному. Иногда она испытывает подавленное настроение и абсолютную неспособность делать что-либо. Сегодня утром, боюсь, сложилась как раз такая ситуация. Впрочем, я очень бесцеремонно поступаю, начав разговор и не представившись. Меня зовут Вики.

– Не хотите ли зайти, Вики? – пригласила доктор.

Вики не просто зашла в кабинет – она проследовала туда, торжественно и элегантно. В то время как пластика Сивиллы всегда была зажатой, Вики двигалась свободно и грациозно.

На ней было надето пестрое – розовое, фиолетовое и бледно-зеленое – платье на кокетке со слегка присборенной юбкой чуть ниже колен. Общий эффект усиливали зеленые туфли.

– Красивая комната, – небрежно сказала она. – Этюд в зеленых тонах. Должно быть, этот цвет действует умиротворяюще на ваших пациентов.

Затем она прошла к кушетке и села, приняв удобную позу. Доктор, прикрыв дверь, присоединилась к ней, закурила сигарету и сказала:

– Скажите мне, Вики, почему вы решили прийти сюда?

– Все очень просто, – ответила Вики. – Сивилла заболела. Я надела ее платье. Этот синий комплект, о котором я вам говорила, мне не подходит, потому что у меня назначена встреча за ланчем. Как я уже сказала, я надела ее платье, села на автобус и приехала сюда.

– Но откуда вы знали, куда ехать?

– Я знаю все, – объяснила Вики.

– Все? – переспросила доктор.

– Я знаю все, что делают остальные.

Наступила пауза. Доктор постукивала сигаретой по краешку пепельницы.

– Вы можете подумать, что это для меня невыносимо, – продолжала Вики. – Должна признать, это действительно звучит самонадеянно. Но если знать конкретные обстоятельства, то все выглядит совсем иначе.

Конкретные обстоятельства? Возможно, это означало, что Вики владеет ключом к ситуации в целом. Но Вики лишь сказала:

– Конечно, я не претендую на всеведение. Но я наблюдаю за всем, что делают остальные. Именно это я имела в виду, говоря, что знаю все. В данном узком смысле слова я *и в самом деле* всеведуща.

«Значит ли это, – подумала доктор, – что Вики может рассказать мне все о Сивилле, Пегги и себе? Пока она поведала очень немного».

– Вики, – сказала доктор, – мне хотелось бы знать о вас побольше.

– Я счастливый человек, – ответила Вики, – а у счастливых людей не бывает занимательных биографий. Однако я буду рада сообщить вам все, что вы пожелаете узнать.

– Собственно говоря, я пытаюсь сказать, – ответила доктор, – что мне хотелось бы выяснить, как вы вообще появились.

Вики подмигнула и сказала:

– О, это вопрос философский. Можно по этому поводу написать целый том. – Тут она посерьезнела и взглянула в глаза доктору. – Но если вы хотите знать, откуда я появилась, с удовольствием сообщу вам. Я появилась из-за границы. Родом я из очень большого семейства. Мои родители, мои братья и сестры – их множество – живут в Париже. *Mon Dieu*², я не видела их много лет. Мое полное имя – Виктория Антуанетта Шарло, или просто Вики. Пришлось, знаете ли, американизироваться. Нельзя расхаживать и представляться людям как Виктория Антуанетта. Вики проще.

После паузы, во время которой доктор Уилбур подавляла недоверие, она спросила:

– А ваши родители не переживают по поводу того, что вас нет с ними?

– Вовсе нет, доктор, – уверенно ответила Вики. – Они знают, что я нахожусь здесь для того, чтобы помогать. Через некоторое время они приедут за мной, и я отправлюсь с ними. Тогда мы все опять воссоединимся. Они непохожи на некоторых других родителей. Они всегда выполняют свои обещания.

– Вам очень повезло, – заметила доктор.

– О да, – подтвердила Вики. – Было бы ужасно иметь неподходящих родителей. Просто ужасно.

– Понятно, – согласилась доктор.

– Возможно, моя семья приедет сюда, – сказала Вики.

– Да, понимаю, – повторила доктор.

Вики придвинулась к доктору Уилбур и озабоченно призналась:

– Но на самом деле, доктор, я пришла сюда поговорить о Сивилле. Просто ужасно, что она постоянно волнуется. Она плохо питается, не позволяет себе никаких развлечений и вообще воспринимает жизнь излишне серьезно. Чуть поменьше самоограничений и чуть побольше удовольствий пошли бы на пользу ее здоровью. – Вики сделала паузу, а потом задумчиво добавила: – Есть и еще кое-что, доктор. Кое-что глубоко внутри.

– Как вы полагаете, Вики, что это?

– Не могу сказать точно. Видите ли, это началось до моего прихода.

– А когда вы пришли?

² Мой бог (*фр.*).

– Сивилла тогда была маленькой девочкой.

– Понятно. – Доктор помолчала, а потом спросила: – Вы знали миссис Дорсетт?

Вики вдруг насторожилась, замкнулась.

– Она была матерью Сивиллы, – пояснила она. – Я жила с Дорсеттами много лет. Да, я знала миссис Дорсетт.

– А Пегги вы знаете? – спросила доктор.

– Конечно, – ответила Вики.

– Расскажите мне про Пегги.

– Вы хотите, чтобы я рассказала вам про Пегги? – переспросила Вики. – Вы имеете в виду Пегги Лу? Может быть, вы хотите заодно послушать и про Пегги Энн?

– Пегги... кто?

– Это глупо с моей стороны, – извиняющимся тоном сказала Вики. – Я совсем забыла, что вы знакомы только с Пегги Лу. Существуют две Пегги.

– Две Пегги?

Доктору вновь пришлось бороться с чувством изумления. Но почему, собственно говоря, наличие четвертой личности должно поразить ее? Раз уж ей довелось столкнуться с множеством «я», после этого удивляться уже было нечему.

– Пегги Энн явится как-нибудь на днях, – предсказала Вики. – Вы с ней познакомитесь. Я уверена, она вам понравится.

– Я тоже в этом уверена.

– Они делают все вместе, эта парочка – Пегги Лу и Пегги Энн.

– А чем они различаются?

– Мне кажется, то, что вызывает у Пегги Лу гнев, у Пегги Энн вызывает страх. Но у обеих характер боевой. Когда Пегги Лу решает что-нибудь сделать, она идет напролом. Видите ли, Пегги Энн может делать то же самое. Но она более тактична.

– Понимаю.

– Обе они стремятся изменить ситуацию, – заключила Вики. – И больше всего они желали бы изменить Сивиллу.

– Очень интересно, – заметила доктор. – Вот что, Вики, скажите-ка мне, была ли миссис Дорсетт матерью Пегги Лу?

– Ну конечно, – ответила Вики.

– Но Пегги Лу утверждает, что мать Сивиллы – не ее мать.

– О, понимаю, – беззаботно кивнула Вики. – Вы знаете, такова уж Пегги Лу. – Лукаво улыбнувшись, Вики добавила: – Миссис Дорсетт была матерью Пегги Лу, но Пегги Лу об этом не знает.

– А как насчет Пегги Энн? – спросила доктор.

– Миссис Дорсетт была матерью Пегги Энн, но Пегги Энн об этом тоже не знает.

– Ясно, – сказала доктор. – Все это очень любопытно.

– Да, конечно, – согласилась Вики. – Но таково их душевное состояние. Возможно, вы сумеете помочь им.

Наступила тишина, которую доктор в конце концов нарушила, спросив:

– Вики, а вы с Пегги Лу похожи?

Лицо Вики потемнело от разочарования.

– Разве вы сами не можете оценить?

– Не могу, – сманеврировала доктор, – потому что никогда не видела вас вместе.

Вики встала с кушетки и прошла к столу, двигаясь быстро и грациозно.

– Вы не возражаете, если я воспользуюсь этим? – спросила она, вернувшись с пачкой рецептов.

– Пожалуйста.

Доктор наблюдала, как Вики садится на кушетку, достает из сумочки карандаш и начинает делать наброски на обратной стороне рецепта.

– Вот две головы, – через некоторое время сказала Вики. – Вот эта, с белокурыми кудряшками, я. Если бы у меня были цветные мелки, я передала бы цвет волос. Вот Пегги Лу. Ее волосы черного цвета. Но тут дело не в цвете. Пегги Лу не любит лишних забот. Она носит прямые волосы, примерно такие.

Вики указала на рисунок, на котором была изображена Пегги Лу с голландской стрижкой.

– Вот видите, – с триумфом заявила Вики, – как мы отличаемся друг от друга.

Доктор кивнула и спросила:

– А Пегги Энн?

– Ее и рисовать не стоит, – отмахнулась Вики. – Портрет Пегги Лу не отличался бы от портрета Пегги Энн. Они очень похожи. Вы увидите.

– Вы очень хорошо рисуете, – заметила доктор. – Вы работаете и красками?

– О да, – ответила Вики. – Но Сивилла пишет лучше, чем я. Моя сильная сторона – это люди. Мне они нравятся, и я знаю, как с ними обходиться. Я не боюсь их, потому что мои мать и отец всегда были очень добры ко мне. Я люблю разговаривать с людьми и выслушивать их. Особенно мне нравятся люди, с которыми можно поговорить о музыке, живописи и книгах. Думаю, что большинство моих дружеских связей проистекает из взаимного интереса к этим предметам. Я люблю читать романы. Кстати, вы читали «Черепуху и зайца»?

– Нет, не читала.

– Ах, прочитайте! – воскликнула Вики, взяв тон легкой светской беседы. – Я закончила его вчера поздно вечером. Это новый роман Элизабет Дженкинс. Можно назвать его приглушенным романом о необычайно бестолковом любовном треугольнике. Роковая женщина в нем – старая дева средних лет в толстом грубошерстном твидовом костюме. Она неспешно проезжает по всему роману в «роллс-ройсе».

– Ну что ж, я последую вашей рекомендации, – сказала доктор Уилбур.

– Надеюсь, вы получите такое же удовольствие, какое получила я. Я действительно его получила. Видимо, потому, что я на короткой ноге с людьми из высшего света. Я с удовольствием общаюсь с ними и в жизни, и в книгах. Подозреваю, что тут играет роль мое происхождение. Но я не считаю себя снобом. У меня просто рафинированный вкус, который мне привили в семье. И почему бы не наслаждаться тем лучшим, что есть в жизни?

Тон Вики стал более серьезным, да и сама она казалась задумчивой, когда продолжила:

– Жизнь причиняет столько боли, что человеку нужен катарсис. Я не имею в виду бегство. В книги из жизни не убежишь. Напротив, они помогают более полно познать себя. *Mon Dieu*, я так рада, что у меня есть книги. Когда я оказываюсь в ситуации, в которой предпочла бы не быть, – ввиду своеобразных обстоятельств моей жизни, – у меня есть этот выход. Вы можете счесть меня *très supérieure*³, но на самом деле это не так; я всего-навсего такая, какая есть, и живу так, как мне нравится.

Вздыхнув, Вики заметила:

– Знаете, доктор, мне бы хотелось, чтобы Сивилла могла наслаждаться жизнью так, как наслаждаюсь я. Я люблю ходить на концерты и в художественные галереи. Она тоже это делает, но не так часто. Отсюда я пойду в Метрополитен-музей. Я упоминала о том, что во время ланча у меня назначена встреча с подругой. Это Мэриен Ладлов. Мы собираемся съесть ланч в ресторане «Фаунтин» в Метрополитен. Потом мы пойдем смотреть экспозицию. На все у нас не хватит времени. Но мы особенно хотим посмотреть собрание рисунков и гравюр под названием «Мир становится изображением». Для Мэриен культура – все равно

³ Чересчур изысканной (фр.).

что воздух. И она безупречно воспитана. Выросла в хорошем семействе из Ист-Сайда. У них много слуг, на лето они уезжают в Саутгемптон, и так далее.

– А Сивилла знакома с Мэриен Ладлов? – спросила доктор.

– Боюсь, что нет, – ответила Вики с оттенком снисходительности. – Сивилла – это не *femme du monde*, не женщина *esprite*⁴. Она увидела миссис Ладлов в очереди в кафетерии колледжа и удивилась, что там может делать столь роскошная женщина. Кафетерий был переполнен, а Сивилла сидела одна. Миссис Ладлов спросила, не может ли она сесть к ней за столик. Вы знаете, что Сивилла всегда боится оказаться недостаточно вежливой. Поэтому она ответила «конечно». Но мысль о том, что ей придется общаться с незнакомой привлекательной светской женщиной, напугала ее. Она испарилась. Тут я все взяла в свои руки и повела разговор с этой *grande dame*⁵. Так началась наша дружба. И мы с ней очень добрые друзья.

– Знает ли Пегги Лу миссис Ладлов?

– О, не думаю, доктор Уилбур. Они, знаете ли, принадлежат к разным мирам.

– Вики, похоже, вы занимаетесь многими вещами, в которых Сивилла и Пегги не принимают участия, – заметила доктор.

– Совершенно верно, – не замедлила подтвердить Вики. – Я иду своим путем. Мне было бы очень скучно, если бы я следовала за ними. – Она озорно взглянула на доктора и призналась: – Доктор, Сивилла хотела бы быть мною. Но она не знает, как это сделать.

– Значит, Сивилле известно о вас?

– Конечно нет. Она не знает об обеих Пегги. И не знает обо мне. Но это не мешает ей воображать некую личность вроде меня – такой образ, в который она хотела бы вписаться, но который постоянно ускользает от нее.

Доктор Уилбур некоторое время колебалась, стараясь переварить услышанное. Сивилла и Пегги Лу. Теперь Вики и Пегги Энн. Четыре личности в одном теле. Нет ли там и других? Полагая, что Вики знает ответ, доктор решила рискнуть:

– Вики, вы рассказывали мне о двух Пегги. Не можете ли вы сказать, есть ли там и другие?

– О да, – раздался уверенный ответ. – Нам известно, что существуют и многие другие. Именно это я и имела в виду, говоря вам, что знаю все обо всех.

– Так вот, Вики, – предупредила доктор, – я хочу, чтобы все вы свободно приходили сюда в назначенный час, вне зависимости от того, кто в данный момент пользуется телом.

– О, они придут, – пообещала Вики. – И я тоже приду. Я ведь здесь ради того, чтобы помочь вам добраться до сути всего, что их беспокоит.

– Я это одобряю, Вики, – сказала доктор Уилбур.

И тут ей пришла в голову новая идея – заручиться помощью Вики в анализе. Вики, которая утверждает, что знает все обо всех, может послужить чем-то вроде греческого хора для всех этих «я», освещая события и взаимоотношения, о которых остальные могут сообщать только отрывочно или вообще ничего.

– А теперь, – сказала доктор, пристально глядя на Вики, – я хотела бы попросить у вас совета. Мне хотелось бы рассказать Сивилле о вас и о других. Что вы по этому поводу думаете?

– Ну что ж, – задумчиво протянула Вики, – вы можете рассказать ей. Но будьте осторожны, не говорите слишком многого.

Доверительным тоном доктор пояснила:

⁴ Светская женщина, женщина духа (*фр.*).

⁵ Благородной дамой (*фр.*).

– Я считаю, что ей следует знать. В общем-то, я не представляю, каким образом можно получить какую-то пользу от анализа, если она сама не будет знать.

– Будьте осторожны, – вновь напомнила Вики. – Хотя все мы, остальные, знаем о Сивилле, она ничего не знает ни о ком из нас и никогда не знала.

– Это я понимаю, Вики, но, видите ли, я собиралась рассказать ей про Пегги Лу, когда считала, что у нее раздвоение личности. Но Сивилла не дала мне ни единой возможности сделать это.

– Разумеется, – кивнула Вики. – Сивилла всегда боялась раскрывать свои симптомы, опасаясь услышать диагноз.

– Что ж, – спокойно продолжила доктор, – я уже рассказала Сивилле о том, что она попадает в состояние фуги, во время которого не воспринимает происходящее вокруг нее.

– Я знаю, – подтвердила Вики, – но это совсем другое дело, чем сказать ей о том, что она не одна занимает свое тело.

– Думаю, Сивиллу ободрило бы знание того, что она продолжает функционировать, хотя не сознает этого.

– Она, доктор? – насмешливо спросила Вики. – Не правильнее ли будет сказать «мы»?

Доктор сделала паузу, не давая прямого ответа. Молчание нарушила задумавшаяся Вики:

– Полагаю, вы можете рассказать Сивилле. Но я вновь спрашиваю: разве это *она* функционирует? – Не ожидая ответа, Вики твердо заявила: – Мы ведь люди, знаете ли. Люди, имеющие свои права.

Доктор зажгла сигарету и задумчиво слушала, как Вики продолжает:

– Тем не менее, если вы хотите рассказать ей, я не возражаю. Однако я бы посоветовала вам дать ей понять, что никто из других не будет делать то, что ей не понравится. Расскажите ей, что они часто делают вещи, которых она сделать не может, но что все эти вещи не рассердили бы ее, если бы их делал кто-то посторонний.

– А как насчет Пегги Лу? – спросила доктор. – Разве она не совершает иногда поступков, которые Сивилла не одобрила бы?

– Видите ли, – объяснила Вики, – Пегги Лу совершает многие поступки, на которые Сивилла не способна, но Пегги никому не навредит. Правда, доктор, она не навредит. – Тон Вики стал доверительным. – Вы знаете, Пегги Лу ездила в Элизабет и попала там в довольно серьезные неприятности.

– Я не знала об этом.

– О, Пегги Лу много разъезжает. – Вики взглянула на часы. – Кстати, о разъездах. Полагаю, что мне уже пора уходить в Метрополитен, чтобы встретиться с Мэриен.

– Да, – согласилась доктор, – боюсь, время уже поджимает.

– Доктор, а вы когда-нибудь ходите в Метрополитен? – спросила Вики, пока они шли к двери. – Вам это должно доставить удовольствие. Сейчас там проводится ретроспективная выставка картин и скульптур в память Курта Валентайна. На случай, если будете рядом, называется это «Валентайн гэлли». Ну, мне пора. И пожалуйста, не забывайте, что можете рассчитывать на меня всякий раз, когда возникнет необходимость.

Уже на самом пороге Вики повернулась, взглянула на доктора и сказала:

– Мне кажется странным ходить к психоаналитику. Эти, другие, и в самом деле невротики, но я – нет. Во всяком случае, мне так кажется. В наши времена хаоса нельзя знать этого наверняка. Но я действительно хочу вам помочь с Сивиллой и остальными. В конце концов, это единственная причина того, что я нахожусь здесь, а не в Париже со своей семьей. Не думаю, что Сивилла или Пегги Лу способны докопаться до сути того, что их беспокоит. Глядя на то, как они здесь маются, я понимала, что мне придется вмешаться. Разве от них добьешься толку? Сивилла пребывает в тотальном неведении относительно всех нас, а Пегги

Лу слишком занята тем, чтобы защищать себя. Да и Сивилла тоже, если говорить объективно. Поэтому я просто обязана приходить и работать с вами. Вместе мы сможем добраться до сути. Так что прошу рассчитывать на меня. Я знаю все обо всех.

Заявив это, Виктория Антуанетта Шарло, светская дама с грациозными движениями, мелодичным голосом и безупречной дикцией, удалилась так же, как пришла.

Доктору Уилбур Вики понравилась. Весьма утонченная, но сердечная и дружелюбная, она была искренне озабочена происходящим с Сивиллой. Эту озабоченность следует использовать, решила доктор.

Интересно, что сказала бы мадемуазель Шарло, если бы ее спросили, каким образом она попала в семейство Дорсетт или когда за ней придет ее семья? Подходя к столу, чтобы сделать запись в истории болезни Дорсетт, доктор спросила себя: как помочь Сивилле стать единой? И единой из какого числа?

Выходя из здания, где располагалась приемная доктора, Вики думала, что Нью-Йорк не похож на Париж или на какой-нибудь другой город из тех, в которых она жила, покинув Уиллоу-Корнерс. В такой серый день, как сегодня, этот шумный, вечно изменчивый город выглядел тенью самого себя.

Шла она быстрым шагом, поскольку опаздывала на свидание с Мэриен Ладлов в Метрополитен и поскольку ощущала себя свободной, на время оставив позади тени тех, других, в чьи жизни вплелась ее собственная жизнь.

Она стала думать о Мэриен Ладлов. Высокая, с изумительно стройной фигурой, скорее симпатичная, чем красивая, Мэриен была существом непостоянным. У нее были каштановые волосы, светло-карие глаза, а на носу красовались три веснушки – единственный недостаток, спасавший ее от физического совершенства, которое сама Вики, склонная к идеализации, всегда была готова превозносить.

Они с Мэриен жили в каком-то чудесном мире с той поры, как в начале ноября 1954 года познакомились в кафетерии педагогического колледжа. С тех пор они побывали в «Карнеги-холле», где слушали Большой филармонический, Бостонский симфонический, Вальтера Гизекинга и Пьера Монте. Они посетили здание ООН, где наблюдали за бурным заседанием Совета Безопасности.

Ничто не вызывало у них такого восторга, как художественные выставки. Обе они особенно любили Бруклинский музей, где их очаровывали не только собрания работ американских художников, но и замечательная галерея современной акварели и занимающая целый этаж выставка «История американской мебели».

И для Мэриен, и для Вики старинная мебель была осязаемым прошлым, зеркалом ушедшего образа жизни, который они обе смаковали. Столы «хэпплуайт», кресла «чиппендейл», туалетные столики на низких ножках, высокие комоды заполняли их разговоры. Для них было нечто завораживающее в обсуждении изысканной отделки вирджинского буфета или устроенного с особым изяществом ящичка в пенсильванском комод.

У Мэриен был утонченный вкус, развившийся как побочное следствие богатства семьи. Богатства, которого более не существовало. Она обучалась в привилегированных частных школах, окончила колледж Барнарда где-то в тридцатых годах, получила преддипломное образование и под присмотром тетушки, старой девы, совершила большое путешествие по Европе в стиле Генри Джеймса.

Рожденная в богатстве, Мэриен вышла замуж за еще большее богатство. После смерти мужа она тратила свое состояние направо и налево. Заметив его катастрофическое уменьшение и осознав, что впервые в жизни ей придется зарабатывать себе на жизнь, Мэриен приехала в Колумбийский университет, чтобы, пройдя курс преподавания живописи, работать

учителем. Вот так она и оказалась в кафетерии педагогического колледжа в тот день, когда они познакомились.

Неожиданно осознав, что она находится всего в квартале от Метрополитен, Вики отбросила воспоминания, ускорила шаги и быстро направилась к ресторану «Фаунтин».

Стоя в дверях огромного помещения, спроектированного как римский атриум, с прямоугольным бассейном в центре, с изогнутым аркой стеклянным потолком, могучими колоннами и столами из искусственного мрамора, Вики была ошеломлена этим обилием искусства барокко, представшим перед ней. Хотя она была здесь много раз, но всегда одинаково реагировала на окружающее.

За одним из столов справа от Вики сидела Мэриен Ладлов.

– Боюсь, я опоздала, – заметила Вики, подходя к подруге. – Приношу свои извинения. Это было деловое свидание. Я просто не могла уйти.

– А я наслаждалась одиночеством, – ответила Мэриен. – Я размышляла о том, как будет выглядеть это помещение, когда в бассейне установят фонтаны работы Карла Миллза.

– Их не установят до лета, – сказала Вики, садясь. – Я читала, что будет установлено восемь фигур. Пять из них будут представлять виды изобразительных искусств.

– Миллз, – ответила Мэриен, – в мире классицизма всегда чувствовал себя как рыба в воде. Нужно будет прийти сюда летом и посмотреть все своими глазами.

Вики ощущала на себе теплый взгляд глаз Мэриен, усталых и капельку печальных. В присутствии этой женщины она купалась в атмосфере утонченности и испытывала огромное удовлетворение от сознания того, что Мэриен первой сделала шаг навстречу.

Именно тень печали в глазах Мэриен особенно поразила Вики, которая, несмотря на то что сама была счастливым человеком, давно привыкла откликаться на печаль других. Эта способность Вики к эмпатии ускорила возникновение дружбы.

«И если бы у Мэриен была дочь, – мечтательно подумала Вики, – то этой дочерью следовало бы быть мне. Мы положили бы конец разладу поколений. Хотя по возрасту Мэриен вполне годится мне в матери, годы не имеют никакого значения».

– Пойдем, – сказала Мэриен. – Иначе у них все закончится.

Они прошли через огромное помещение к стойке с едой.

– Еда из кафетерия на мраморных столах, – заметила Вики, пока Мэриен, явно заботившаяся о своей фигуре, тянулась за салатом из ананаса и творога. – Это придает какой-то прозаический привкус атмосфере роскоши.

Вики, стройная независимо от своих желаний (поскольку об этом заботилась Сивилла), выбрала макароны с сыром.

Вернувшись за столик возле прямоугольного бассейна, Вики и Мэриен стали обсуждать ткачество шелка во Франции – предмет курсовой работы, которую готовила Мэриен.

– Ты так много знаешь об этом, – сказала Мэриен. – Я уверена, что ты сумеешь дать мне неоценимые советы.

Так они беседовали о первом оборудовании королевских мебельных мастерских Людовика XIV, о том, что первая ткань достоверно французского происхождения – это кусочек бархата с эмблемой в виде короны, датирующийся эпохой то ли Генриха IV, то ли Людовика XII.

– Если ты сможешь установить, какой из королей это был, – сказала Вики, – ты всех потрясешь.

Разговор перешел на жанровые и пейзажные узоры, вновь появившиеся в начале XVIII столетия как результат вторичного открытия китайских мотивов.

– А ты знаешь, – спросила Вики, – что эти художники испытывали очень сильное влияние Буше, Пильмана и Ватто?

– Но разве они не находились под влиянием китайских мотивов мейсенского фарфора? – спросила Мэриен. – В конце концов, это ведь и был период китайского влияния.

– Ставлю тебе пятерку, – улынулась Вики.

Мэриен допила кофе, а Вики – горячий шоколад. Мэриен закурила сигарету и заметила:

– Я рада, что ты не куришь. Даже и не начинай.

– Не беспокойся, – ответила Вики. – Это не относится к числу моих пороков.

– Никаких иных я не замечала, – поддразнила ее Мэриен.

– А ты присмотришься внимательнее, – в тон ей ответила Вики.

– Что ж, – сказала Мэриен, – в шесть у нас начинается лекция по ювелирному искусству. Значит, остается время посмотреть «Мир становится изображением».

Эта увлекательная выставка располагалась в Большом зале. На ней были представлены интерпретации сцен и персонажей ряда произведений мировой классики: сказок Эзопа, «Ада» Данте, «Фауста», «Дон Кихота», «Гамлета», «Короля Лира», «Эклог» Вергилия и «Метаморфоз» Овидия, – выполненные американскими и европейскими художниками от Дюрера до Александра Кальдера. Среди иллюстраций к Библии было изображение Зверя с семи головами и десяти рогами из Апокалипсиса – гравюра XVI века работы Жана Дюве.

Склонясь над работой Дюве, Вики заметила:

– Мне доводилось рисовать библейских бестий.

– Ты никогда не говорила об этом, – удивилась Мэриен.

– Не говорила. Это было в Омахе, лет десять тому назад, когда я иллюстрировала проповеди нашего пастора о бестиях, кои восходят из глубины морей.

– Мне нравится слушать, когда ты рассказываешь о своих занятиях живописью, – сказала Мэриен. – Ты всегда так сдержанна в этом отношении, Сивилла.

Сивилла. Упоминание этого имени, в общем-то, не расстроило Вики. Это имя было единственным, под которым Мэриен и все остальные знали ее, – имя на разных документах и чеках, на почтовом ящике, в телефонной книге, в актах гражданского состояния. Будучи реалисткой, Вики всегда воспринимала подобное положение вещей как один из фактов ее уникального существования.

Виктория Шарло не могла отречься от этого имени, хотя на самом деле оно принадлежало «другой девушке», как ее называла Пегги Лу. Это было имя худой запуганной женщины, которая никогда не проводила время подобным образом – среди людей, спокойная и довольная. Настоящая владелица имени «Сивилла» была сдержанным, необщительным существом, предпочитала одиночество и, как было известно Вики, искала какое-то «я», которое не только пришло бы к ней естественным путем, но и стало бы сутью всего ее существования.

Так что Вики привыкла к мысли о Сивилле. Ее, скорее, смущало то, что, по всей вероятности, именно Сивилла, а не она вместе с некоторыми другими (с теми, кого Вики не упомянула у доктора Уилбур), на самом деле рисовала этих зверей. И Вики чувствовала, что поступила неправильно, объявив эти рисунки своими, пусть даже в поверхностном разговоре.

– Я умалчиваю о своей живописи, – сказала она вслух, – потому что знаю, что другие пишут лучше меня.

– Что ж, эти слова всегда справедливы, – ответила Мэриен. – Следуя таким стандартам, ни один художник не может полагать себя совершенством. Но тебя не назовешь мазилой. В конце концов, декан факультета живописи сказал, что за двадцать лет на факультете не было никого с таким талантом, как у тебя.

– Мэриен, давай сменим тему, – смущенно предложила Вики.

Вики считала невозможным применить к себе профессорскую оценку работ совокупной Сивиллы Дорсетт. Сивилла рисовала, Вики рисовала да и большинство остальных «я»,

живущих в Сивилле, тоже. Из всех них, по мнению Вики, наиболее одаренной была Сивилла. Эти способности проявились у нее еще в детстве. Когда учителя рисования выразили восхищение ее работами, родители были очень удивлены, и отец в конце концов отвез ее рисунки для оценки к искусствоведу в Сент-Пол, штат Миннесота. Только после этого родители признали способности Сивиллы. В средней школе и колледже Сивилла заработала неплохие суммы за свои картины, выставлявшиеся на престижных выставках.

Ни одна из картин, разумеется, не принадлежала одной Сивилле. Большинство из них были созданы коллективными усилиями нескольких «я». Временами их сотрудничество было плодотворным, временами – деструктивным. Но несмотря на пестроту стиля и предательские ляпсусы, встречающиеся в работах, Сивилла – Сивилла Дорсетт в целом и сама Сивилла в качестве доминирующего начала – всегда обладала потенциалом стать серьезным художником. И хотя этот потенциал никогда не был полностью реализован из-за психологических проблем, сбивавших Сивиллу с избранного курса, профессор живописи Колумбийского университета признавал Сивиллу – как отметила Мэриен – наиболее одаренным студентом факультета за двадцать с лишним лет.

Когда все это промелькнуло в голове Вики, она осознала полную невозможность объяснить свою сдержанность по поводу своих – то есть *их* – работ ни Мэриен Ладлов, ни кому-либо другому, считавшему, что существует только *один* художник, откликающийся на имя Сивиллы Дорсетт.

Вики и Мэриен пообедали в ресторане на крыше Батлер-холла, отеля возле университетского кампуса. Мэриен заказала отбивную «солсбери», а Вики – спагетти с фрикадельками. Потом они отправились на занятия по ювелирному мастерству, которые начинались в шесть.

На эти занятия всегда вынуждена была ходить Вики: Сивилла не могла их посещать, поскольку они проходили в подвальном помещении, освещенном светильниками в виде факелов, которые держали в руках фигуры мифологических Вулканов в защитных очках и черных фартуках. Это помещение вызывало у Сивиллы воспоминания об Уиллоу-Корнерсе. А воспоминания пробуждали давние неизбывные страхи.

И Вики, выступавшая на первый план, когда Сивилла «уходила в затемнение», или, как сегодня, посещавшая занятия сама по себе в период своего доминирования, не только отлично успевала по этому предмету сама, но и помогала Мэриен, у которой для отличных оценок по ювелирному делу был слишком мал предыдущий опыт.

Вики всегда нравились эти занятия. Иногда вечерами она делала наброски ювелирных украшений или воплощала в жизнь созданные ранее эскизы. Сегодня вечером она делала медную цепочку и помогала Мэриен в работе над серебряной подвеской.

После занятий Вики и Мэриен отправились в комнату Вики, в окне которой, выходящем во двор, отражался загоравшийся и гаснущий в других комнатах свет. Вики включила радио, и они послушали программу новостей и концерт. Когда Мэриен собралась уходить, Вики принялась очень тщательно собирать принадлежности для ювелирных работ, которые они принесли с собой. Она решила оставить комнату точно в таком виде, в каком она была до начала работы.

– Зачем ты столько возишься? – спросила Мэриен. – Ты живешь одна. Эти вещи никому не помешают.

– Да, я знаю, – ответила Вики с кислой улыбкой.

Стараясь скрыть свои эмоции, она стала оживленно болтать с Мэриен, провожая ее до дверей.

После ухода Мэриен Вики вспомнила случай, когда Сивилла принесла какой-то эскиз доктору Уилбур и заявила, что боится использовать его, поскольку не знает, срисован он откуда-то или является самостоятельной работой. Эскиз этот принадлежал Вики. Вспомни-

ная, как расстроилась тогда Сивилла, и предполагая, как она расстроится, найдя в комнате все эти ювелирные принадлежности, Вики хотела защитить ее от очередных пугающих открытий. Вики подумала: «Я живу одна, но не в одиночку».

И она почувствовала, как вновь наплывают тени того, от чего она была свободна почти весь день.

Сивилла сидела в своей комнате, готовясь к экзамену по педагогике, которую вел у них профессор Рома Ганс. В дверь постучали. Сивилла решила, что это Тедди Ривз. Но в дверях стояла не Тедди, а какая-то высокая приятная женщина с каштановыми волосами и светло-кариими глазами, лет сорока с небольшим. Сивилла не знала эту женщину.

– Я не могу задерживаться: опаздываю к парикмахеру, – сказала женщина. – Поскольку я знала, что буду проходить здесь, то решила забежать и занести тебе это. Ты так много сделала для меня, Сивилла. Я хочу, чтобы это осталось у тебя.

Женщина вручила Сивилле чудесную подвеску ручной работы из серебра с красивым голубым камнем – ляпислазурью. «Не знаю, почему она дарит мне это», – подумала Сивилла.

– Спасибо, – слабым голосом произнесла она, неуверенно принимая подвеску.

– Скоро увидимся, – сказала женщина и вышла.

«Скоро увидимся? Так много сделала для нее? Все это совершенно нереально. Разве я хоть когда-нибудь с ней разговаривала? Я видела ее мельком, но мы ни разу не обменялись ни единым словом. И тем не менее она вела себя так, словно мы – подруги. Подруги?» Все ее чувства пришли в смятение.

Вернуться к столу. Попытаться заниматься.

Сивилла изо всех сил цеплялась за реалии. Но она все равно сознавала, что эта вековая загадка, эта ужасная вещь снова завладела ею. Это тоже было одной из реалий ее жизни – когда происходит нечто не начинавшееся и когда переживаешь до боли знакомое ощущение «Как я здесь оказалась?» с его мучительным отсутствием объяснения всего, что происходило до этого.

Готовиться к экзаменам.

Сивилла сидела за столом, но текст конспекта расплывался перед глазами. Охваченная паникой, она лихорадочно спрашивала себя: «Неужели никогда не будет конца, имеющего еще и начало? Неужели никогда не будет последовательности, которая перекинет мост через ужасный разрыв между *сейчас* и *каким-то другим временем* – временем в будущем, временем в прошлом?»

Виктория Антуанетта Шарло, знавшая обо всем, наблюдала, как Мэриен Ладлов дарит Сивилле серебряную подвеску.

7. Почему?

Доктор Уилбур слегка поправила настольную лампу. Перед ней лежала почти вся – не слишком богатая – литература, посвященная расщеплению личности. После ухода Вики доктор в задумчивом настроении отправилась в библиотеку Медицинской академии, где библиотекарь подобрал ей практически все, что было посвящено этому определенно диагностированному, но редкому заболеванию. Работа Моргана Принса «Диссоциация личности», впервые опубликованная в 1905 году и хорошо известная всем, кто изучает психопатологию, была единственной из этих книг, которую она читала ранее. Доктор попыталась достать экземпляр статьи Корби Х. Тигпена и Херви Клекли «Случай расщепления личности» в журнале «Психопатология» за 1954 год, о которой говорили некоторые ее коллеги. Но этой статьи о девушке, упоминавшейся под псевдонимом Ева, в данный момент не оказалось. Теперь, зачитавшись допоздна, доктор познакомилась с именами Мэри Рейнолдс, Мейми, Фелида Х., Луи Вив, Ансель Бурн, мисс Смит, миссис Сид, Сайлес Пронг, Дорис Фишер и Кристин Бошан.

Это были люди с расщеплением личности, вошедшие в анналы медицины: семь женщин и трое мужчин⁶. Недавно описанный случай с Евой доводил количество женщин до восьми, и Ева была единственным живым человеком с расщеплением личности.

Впервые, как узнала доктор, расщепление личности было отмечено у Мэри Рейнолдс. Сообщение о ее истории болезни сделал в 1811 году доктор Л. Митчелл из Пенсильванского университета.

Случай с Мейми был описан в бостонском журнале «Медицина и хирургия» от 15 мая 1890 года. После этого следовали сообщения о Фелиде Х. от М. Азама; о Луи Виве, которого изучала группа французских специалистов; об Анселе Бурне, которого обследовали доктор Ричард Ходжсон и профессор Уильям Джеймс; о мисс Смит – от М. Флурной и о миссис Сид – от профессора Хислопа. В 1920 году в книге Роберта Хоуланда Чейза, озаглавленной «Несцепленное сознание», появилась обзорная глава «Странный случай Сайлеса Пронга» – о случае множественного расщепления личности, описанном ранее профессором Уильямом Джеймсом.

Сложность этих случаев, как поняла доктор уже после беглого просмотра литературы, в значительной степени варьировалась. Например, в случаях мисс Смит и миссис Сид, где речь шла о раздвоении личности, вторичная личность хотя и проявляла черты полноценного человеческого существа, но имела весьма малую степень независимости в социальной сфере общения: работе, художественных занятиях, игре. К Сивилле эта характеристика явно не относилась. Ее альтернативные личности были самым очевидным образом автономны.

Случаи Фелиды Х., Кристин Бошан и Дорис Фишер были более интересны как примеры независимых личностей, пребывающих в одном и том же теле, но ведущих свою собственную жизнь, как все прочие смертные. У Кристин Бошан было три «я», у Дорис Фишер – пять. Доктор предположила, что Сивилла относится именно к этому типу. Но случай Сивиллы – опять-таки предположительно – выглядел более сложным, чем у Кристин Бошан или Дорис Фишер.

Что ж, раз так, значит так, подумала доктор, предположив, что в случае с Сивиллой имели место множественные корни проблемы. Однако каковы были эти корни, оставалось пока неизвестным.

Поразмыслив некоторое время, доктор Уилбур стала отыскивать во всех рассмотренных случаях описания первых проявлений диссоциации личности. Она понятия не имела о

⁶ С тех пор отмечены и другие случаи.

том, когда у Сивиллы впервые произошла диссоциация и все ли личности возникли одновременно или часть из них появилась позже. Когда впервые произошла диссоциация у Кристин Бошан? Из работы Принса следовало, что у Кристин это случилось в возрасте восемнадцати лет в результате нервного шока.

Доктор Уилбур не знала в точности, но подозревала, что первая диссоциация у Сивиллы произошла в детстве. На это указывало детское поведение Пегги. И, вероятно, Сивилла тоже испытала какой-то шок. Но какой? То небольшое, что было уже известно, не позволяло делать каких-либо предположений о причинах. Однако, выстраивая гипотезу, доктор подумала, что, возможно, имелось множество таких корней или случаев шока, которые привели к множеству «я», персонифицирующих реакции на эти потрясения. Множество альтернативных «я» можно, следовательно, объяснить множественными травмами детства – множественными корнями, давшими поросль в виде этого сложного состояния.

В случае с Дорсетт присутствовал аспект приключения, детективного жанра в области подсознательного, и доктор Уилбур разволновалась еще сильнее, когда поняла, что Сивилла – первый человек с множественным расщеплением личности, подвергшийся психоанализу. Это значило не только то, что они идут непроторенной тропой, но и что доктор путем психоанализа сумеет гораздо глубже понять Сивиллу, чем это бывало в предыдущих случаях. При мысли об этой задаче и возможных последствиях – не только для Сивиллы, но и для всей малоисследованной области изучения расщепления личности – пульс доктора Уилбур ускорился.

Она решила, что анализ должен проходить неортодоксально. Неортодоксальный анализ, проводимый инакомыслящим психоаналитиком, – эта мысль вызвала у нее улыбку. Доктор Уилбур действительно считала себя инакомыслящей и знала, что такая характеристика пойдет ей на пользу в данном необычном случае. Она сознавала, что ей придется использовать спонтанные реакции всех «я» не только при вскрытии истоков заболевания, но и при лечении его. Она понимала, что будет необходимо лечить каждое «я» как отдельную самостоятельную личность и собирать резервный фонд Сивиллы, этого бодрствующего «я». В противном случае этой единой Сивилле Дорсетт никогда не станет лучше. Одновременно доктор понимала, что ей придется пожертвовать огромным количеством времени и изменить обычную фрейдистскую технику сеансов, пользуясь каждой крупницей спонтанности, которая поможет ей пробиться к истине, скрытой за всеми этими «я».

И главный вопрос: почему у Сивиллы возникло множество личностей? Существует ли некое физическое предрасположение к возникновению расщепления личности? Играл ли здесь какую-нибудь роль генетические факторы? Этого никто не знал. Доктор тем не менее полагала, что состояние Сивиллы развилось в результате какой-то психологической травмы в детстве, хотя на данном этапе не была полностью уверена в этом. Предварительный анализ вскрыл определенные устойчивые страхи – боязнь близких отношений с людьми, музыки, кистей рук, – которые явно были связаны с какой-то травмой. Обращал на себя внимание также безудержный гнев, подавляемый Сивиллой и прорывающийся у Пегги Лу, а также нежелание Пегги Лу и Вики признавать свою мать. Чувство пребывания в ловушке опять же говорило о какой-то травме.

Некоторые характеристики были общими для большинства случаев. Бодрствующее «я», относящееся к той Сивилле, которая являлась в Омахе и в Нью-Йорке, обычно выглядело сдержанным и излишне послушным. Доктор предположила, что, возможно, именно подобное подавление темперамента сделало необходимым передачу подавляемых эмоций иной личности. В прочитанных книгах говорилось о вторичных «я» как о заимствующих у бодрствующего основ ного «я» часть эмоций, стилей поведения, оценок и обид.

Но такая «передача полномочий» является следствием, а не причиной данного состояния. Что в случае с Сивиллой вызвало его? Какова была исходная травма?

Этим утром доктор Уилбур, как всегда в последнее время, гадала, кто же явится сегодня в назначенный Дорсетт час. Это оказалась Вики – неплохое начало, ведь Вики утверждала, что знает все обо всех.

Пытаясь обнаружить исходную травму, доктор спросила Вики во время ее второго посещения, случившегося через два дня после первого, знает ли она, почему Пегги Лу боится музыки (как стало ясно из последней встречи с ней) и почему музыка так беспокоит ее.

– Музыка ранит, – ответила Вики, приподняв брови и глядя на доктора сквозь тонкие струйки дыма, поднимавшиеся от докторской сигареты. – Она ранит изнутри, поскольку она прекрасна, а это вызывает и у Сивиллы, и у Пегги печаль. Они печальны, потому что одиноки и никому не нужны. Слыша музыку, они становятся одинокими как никогда.

Доктор подумала: не имеет ли это какой-то связи с исходной травмой? Возможно, речь идет об отсутствии ухода или о невнимательном отношении? Когда она поинтересовалась, почему же что-то прекрасное должно ранить, Вики загадочно ответила:

– Это как с любовью.

Тогда, глядя прямо в глаза Вики, доктор спросила:

– Было ли что-то, связанное с любовью, которая ранит?

– Было, – ответила Вики без колебаний, но уклончиво.

Когда доктор спросила, как конкретно любовь может ранить, Вики стала еще более уклончивой.

– Доктор, – сказала она, – Сивилла не хочет никого любить. Это оттого, что она боится близости с людьми. Вы видели, как она ведет себя здесь. Все это часть одной и той же мозаики – на нее находит боязнь рук, боязнь людей, боязнь музыки, боязнь любви. Все это ранит ее. Все это заставляет ее бояться. Все это вызывает у нее чувство печали и одиночества.

Доктор, прекрасно сознавая, что Вики описывает те же симптомы, которые она сама перечисляла вчера вечером, плюс любовь, захотела, чтобы ее партнерша по анализу обратилась к причинам.

– Вики, – спросила она, осторожно подталкивая ее в нужном направлении, – а вы разделяете какой-нибудь из этих страхов?

– Конечно нет, – ответила Вики.

– Почему же Сивилла боится, а вы – нет? – настаивала доктор.

– Есть существенная разница между Сивиллой и мной. Я могу делать все, что мне угодно, потому что я не боюсь.

– Но почему не боитесь?

– У меня нет для этого причин, вот и все. – Раскрываться глубже Вики не желала. – Бедная Сивилла, – вздохнула она, меняя тему, – каким это было для нее испытанием. Она чуть не задохнулась. У нее почти постоянно болели голова и горло. Она не может плакать. И не будет. Все были против нее, когда она плакала.

– Кто все? – с надеждой спросила доктор.

– О, я предпочла бы не говорить об этом, – ответила Вики с извиняющейся улыбкой. – В конце концов, я не была членом их семьи. Я лишь жила вместе с ними.

Виктория Антуанетта Шарло захлопнула дверь, которая начала было приоткрываться. Однако лучик света появился. Отсутствие ухода, а возможно, невнимательное отношение, о чем стала подозревать доктор, позволяли с большой вероятностью предполагать, что причину, по которой Сивилла не способна плакать, Вики усматривает в семействе Дорсетт.

События развивались очень быстро. Пока доктор Уилбур переваривала эту последнюю мысль, произошла бесшумная и почти неуловимая перемена, и уверенная в себе Виктория Антуанетта Шарло мгновенно исчезла. Исчез характерный для нее апломб. Безмятежно-спо-

койные глаза расширились от страхов, перечисленных ранее. Вики, которая не была членом семьи Дорсетт, вернулась в тело Сивиллы, появившейся здесь.

С удивлением обнаружив, что сидит на кушетке рядом с доктором, Сивилла резко отодвинулась.

– Что случилось? – спросила она. – Я не помню, как приходила сюда сегодня. Вновь fuga?

Доктор Уилбур кивнула. Она решила, что настал момент внятно разъяснить, чем на самом деле являются эти fugи. Анализ должен пойти быстрее, считала она, если Сивилла будет знать о других «я». Тогда доктор сможет представить ей то, о чем говорят другие личности, и подвести ее ближе к тем воспоминаниям, от которых она, казалось, надежно отгородилась.

– Да, – сказала она Сивилле. – У вас вновь была fuga. Но на самом деле все гораздо сложнее.

– Я боюсь.

– Ну конечно боитесь, дорогая, – успокаивающе сказала доктор. – А теперь расскажите мне... Вы ни разу не говорили об этом, но, по-моему, вы понимаете, что иногда как бы выпадаете из времени. – Сивилла напряглась. – Не так ли? – Поскольку Сивилла не ответила, доктор поднажала: – Вы понимаете, что сейчас у вас потерялся отрезок времени?

После долгой паузы Сивилла сдавленно произнесла:

– Я собиралась рассказать вам, но так и не решилась.

Тогда доктор спросила:

– Как вы считаете, чем вы занимаетесь в это пропавшее время?

– Занимаюсь? – откликнулась Сивилла. Доктор почувствовала, что это скорее эхо, чем осознанная реплика. – Я ничем не занимаюсь.

– Вы говорите или делаете что-то, хотя даже не сознаете, что говорите или делаете это, – безжалостно продолжала доктор. – Это как хождение во сне.

– И что же я делаю?

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил вам об этом?

– В общем-то, да, – опустила глаза Сивилла. – Всю жизнь мне рассказывают, что я делала какие-то вещи, которых я наверняка не делала. Я пропускаю это мимо ушей. А что тут еще поделаешь?

– Кто именно говорит вам об этом?

– Почти все и всё время.

– Кто?

– Скажем, моя мать всегда говорила, что я плохая девочка. Я никогда не знала, что я такого сделала, чтобы меня называть плохой. Она начинала трясти меня. Я спрашивала, что я сделала, а она вопила: «Вам прекрасно известно, что вы сделали, юная леди!» Но я не знала. Я и сейчас не знаю.

– Постарайтесь не слишком волноваться, – мягко сказала доктор. – Такое случилось и с другими людьми. Мы умеем управляться с этим. Это лечится.

Последнее заявление явно произвело на Сивиллу огромное впечатление. Она заметно расслабилась.

– Данное состояние, – продолжала объяснения доктор, – сложнее, чем состояние fugи, которое мы ранее обсуждали. При обычной fugе имеет место простая потеря сознания, но ваши fugи не являются ничем не заполненным состоянием.

– Я всегда называла их «моими пустыми промежутками», – сказала Сивилла. – Но только про себя, конечно.

– Пока вы находитесь без сознания, – продолжала доктор, – в свои права вступает другая личность.

– Другая личность? – переспросила пораженная Сивилла. И вновь этот вопрос прозвучал как эхо.

– Да, – подтвердила доктор.

Она начала разъяснять, но Сивилла прервала ее:

– Значит, я как доктор Джекилл и мистер Хайд?

Доктор Уилбур ударила кулаком в ладонь.

– В этой истории нет ни капли правды! – воскликнула она. – Это чистая выдумка. Вы вообще не похожи на доктора Джекилла и мистера Хайда. Стивенсон не был психоаналитиком. Он создал этих двух персонажей своим литературным воображением. Как писатель, он был заинтересован лишь в том, чтобы сочинить увлекательный рассказ.

– Можно мне теперь уйти? Мы зашли слишком далеко, – внезапно сказала Сивилла, ощущавшая почти невыносимое давление.

Доктор Уилбур продолжала нажимать. Она знала, что, начав, должна довести дело до конца.

– Вы слишком умны, чтобы разделять популярные заблуждения, порожденные вымыслом, – сказала она. – Факты говорят иное. Я читала о других людях, у которых отмечалось это состояние. У них нет хорошей и плохой стороны. Они не разрываются на части между добром и злом. Об этом состоянии известно не слишком много, однако мы все-таки знаем, что различные «я» любого человека имеют общий этический кодекс, одни и те же моральные устои.

– Мое время истекло, – настаивала Сивилла. – У меня нет права на дополнительное время.

– Вот этим вы постоянно и занимаетесь, Сивилла, – твердо заявила доктор Уилбур. – Объявляете себя ничего не стоящей личностью. Это и является одной из причин, по которым вам нужны другие личности.

– Личности? – испуганно повторила Сивилла. – Вы сказали «личности»? Во множественном числе?

– Сивилла, – мягко сказала доктор, – здесь нечего бояться. Существует личность, которая называет себя Пегги Лу. Она чересчур самоуверенна. Существует Пегги Энн, которая тоже независима, но более тактична, чем Пегги Лу. Еще одна называет себя Вики. Это уверенная в себе, ответственная, воспитанная, очень приятная женщина.

Сивилла встала, чтобы уйти.

– Бояться здесь нечего, – повторила доктор.

Но умоляющее «Отпустите меня, *ну пожалуйста*, отпустите меня» говорило о том, что Сивилла глубоко потрясена. Считая неразумным отпускать Сивиллу одну, доктор предложила проводить ее.

– Вас ждет другой пациент, – возразила Сивилла. – Со мной все будет в порядке.

Выходя через дверь, в которую всего час назад входила сияющая Вики, Сивилла была бледна как полотно.

Вечером, когда сгустились сумерки, доктор Уилбур сидела в тишине своего кабинета и размышляла над случаем Дорсетт. Сивилла оставалась собой в течение сегодняшней беседы. Теперь, когда она узнала о других личностях, первый в истории психоанализ множественного расщепления личности готов был начаться по-настоящему. Доктор вновь обратилась к книгам о расщеплении личности, которые загромождали ее стол. Кроме того, она достала с книжной полки томики Фрейда и Шарко, чтобы еще раз просмотреть знакомые страницы, посвященные истерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.